

СМЕНА

В ШКОЛУ

21-22 1943 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОМСОМОЛЬЦЫ ВЕДУТ БОЙ

Лейтенант Корякин собрал их перед боем.

— Помините, — сказал он, — где труднее всего, туда идёт комсомолец, а требует дело — он жизни не щадит.

...Под огнём к переднему краю оврага поползли отважные сапёры. Златый воин подразделения старший сержант Криворучко (слева, вверху) зачищивает мины и одну за другой обезвреживает их.

Никола Варварюк и Николай Лопатко, кавалер ордена Красной звезды (справа), беседуют, удобно устроившись в траншее.

— За что орден получил? — спрашивает Варварюк.

— За бой у Доток...

«Ударная» рота артиллерии. «Вперед!» — раздалась команда. Бойцы ползали, прижимаясь к огневому валу. А когда артиллерия перекинела огонь в глубину обороны противника, поднялся комсомолец Фёдор Шарухо (в центре, слева) и первым бросился на прорыв.

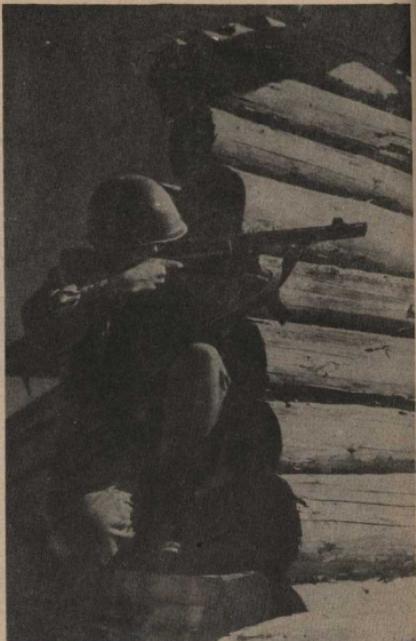
Завязалась жаркая схватка. Немцы не выдержали настичка бойцов-комсомольцев, стали откатываться, а затем обратились в беспорядочное бегство.

Хорошо поддерживая наступающих комсомольских орудийный расчёт, тонныны выстреливали ракеты, ракеты звата и олимпиады, да чечеткошки для стакновых, да ручных пулемёта, да разлёта ПТР.

Первыми аорвались в населённый пункт Никола Варварюк и открыли огонь из автомата по отступающим гитлеровцам (справа, сверху).

Так комсомольцы заняли населённый пункт, который мы называем Зарево.

Фото Д. Козлова

№ 21 — 22

Ноябрь 1943

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

С. Третуб

ПОКОЛЕНИЕ КОРЧАГИНИХ

Командир полка, которого я встретил, вошёл с номицами вот уже третий год. Фронтовикам нетрудно себе представить, что сколькоих и каких перебоев пришлось побывать этому человеку. Он четырежды ранен и дважды контужен. Три ордена заслужены.

— Бегите вам, — заметил я ему. — Удачи.

Командир полка улыбнулся и таинственно достал из кармана свой партийный билет. В нём хранился аккуратно сложенный листок бумаги.

— Не удача, а там счастье, — ответил он. — Поглядите.

Я прочёл знакомые строки:

«Самое дорогое в человеке — это жизнь. Она дает ему один раз, и потому её надо беречь. Я был мучеником боли и в бесконечном промежутке лет, чтобы не жёг пороз для ползака и млечного прошлого и, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все сны были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества...»

Да ведь это слова Павла Корчагина! Его высокие мысли, его слытая юношеская клятва в мозгах Валы, повешенной белогвардейцами. Они помогли людям сдаться бессстрашным и неуязвимым, они подхвачивают волни на подиум.

Я и знал, что имя Островского писателя, которому пользовалась бы такой популярностью у бойцов, которая бы так активно, так реально участвовала в нашей освободительной войне, как книга Николая Островского «Как закалялась сталь».

В Москве, в музее имени Н. Островского, хранились письма старшего лейтенанта И. Селина, адресованные директору музея Р. П. Островской. Старший лейтенант пишет:

«...кто является с книгами «Как закалялась сталь»? Невозможно всё рассказать на этом листе бумаги. Читают ночью в землянках, в бараках. Конечно, освещения у нас нет. Но приспособлены аугуны, светят ими и читают вслух. Как только перерорд между боями, уже самшицы начали читку. Я же побудил их, чтобы, чтоб не вспыхнула пан сшиб несколько раз. Кто же вспыхнет, если вспыхнет?»

В этом письме нет ни тени преувеличения. Я сам неоднократно оказывалась свидетелем подобных сцен.

В музее же, отозвысь, имеется запись младшего сержанта Потапова:

«Приехав с фронта в Москву, я

посетил музей Николая Островского. О нём я любил читать, слушать, читать, говорить в землянках. «Как закалялась сталь» была всегда с нами. Она была с нами и в дни, когда мы находились во вражеском окружении. Но мы вынесли эту книгу и храним её, читаем и перечитываем тысячу раз. Она даёт нам силы, когда мы устали, и учит нас любить родину, неизвестную врага. Меня покоряла слово Николая Островского: «Мне очень было подумать, что в последних боях с фашизмом я не смогу занять своего места в боевой цепи». Да, ему было очень тяжело об этом думать. Но мне хочется сказать: «Син спокойно, дорогой товарищ. Твой место занял тысяч и миллионы советских юношей и девушек».

И в этой записи всё абсолютно точно. Корчагин ведёт за собой корчагинцев. Его самозабвенно мущество, его агрессивная стойкость передаются его братьям по духу.

В Микуринске лежит сраженный тяжёлым недугом Павел Гизо. Он лицей радости был воином Красной Армии. Человек этот внес в свою сбогренную, предназначенные для покупки позиционного кресла, на строительство самолёта имени Игоря Островского.

Так образ писателя и героя его произведений сливается с читателями. Его жизнь и его книги становятся их приветственным мерилою. Они помогают им жить достойно и с честью.

Что значит сейчас жить достойно?

«Всё ли и сколько?» — спрашивала себя в критические минуты Павел Корчагин. Сын его искали. Он побежал свой беспомощный. Мужество человека он делал беспредельным.

«Всё ли и сколько?» — спрашивала себя наши воины в окрестностях часы боя, когда кажется, что сны на пределе. И они делают безграничными то, что имеет свои границы.

Большая группа наших паросочинки и звягому именем подразделениями солдат, Командир-штурмовик Кулаков, зашёл им в тыл и открыл огонь. Он уложил 35 немцев. Но, удаливши боем, Кулаков не заметил, как его окружили враги. У пушечника вышли все патроны, оставилсь одна три гранаты. Он прыгнул в кусты и прижалась к земле. Немцы подумали, что Кулаков убит. Они кинулись к нему всей армадой.

«Всё ли и сколько?» — спрашивала себя Кулаков. — Нет, ещё не всё! Он метнул оружие на другую три гранаты. Ещё семь немецких трупов осталось на поле сражения. Исход боя был решён. Отважный пу-

лемётчик сделал всё... Его стойкость победила.

Неважно стал известен подвиг четырёх комсомольцев — гвардейцев Селезнёва, Козлова, Трухова и Дема.

Четыре пушечника во главе с комсортом пушечной роты Селезнёвым вступили в бой с ротой гитлеровцев. До последнего вздоха гвардейцы были до немецкой песни. Тогда гусеницы вражеских танков подняли огонь на солдатов. А комсомолия огням Дема увидел, что немцы поднимались в атаку, он перешагнул границы своих казунских возможностей и again из автомата снова отбросил врага.

Дема находится сейчас в госпитале. Он рассказывает:

«Наз было четверо: гвардии сержанты Селезнёв, Козлов, гвардии рядовой Трухов, четвёртый — я, рядовой Дема. У нас было два пушечника, автомат и винтовка. Мы видели впереди нашу оправу, через который немцы пытались неоднократно проникнуть во фланги нашей наступающей роты и контратаковать её.

Мы приступали к каждому метру и встречали немцев, которых отбивали. Один из них был единственным выжившим во фланге наших подразделений, и поэтому немцы вновь и вновь поднимались в контратаку. Мы стояли прочно. Видимо, немцы решили уничтожить нас из мин и снарядов стояли, поражая каждый клочок земли. Мы зарядили приготовленные запасные окопы. Мы зарядили приготовленные запасные окопы, мы переносили в другие участки и продолжали стоять на рубеже подожженного ствола. Перед нами встало уже около 20 трупов немецких солдат. Тогда враг пустил из нас 10 танков, за которыми динулись доты пехоты. Мы выпалили из окопов из верхней оправы. А лицем спою, пушечники, которые не могли отдать оружия, не могли упасть. А немцы шли прямо на нас. Они поднимали под себя гвардии сержантов Селезнёва, Козлова и рядового Трухова. В этот момент меня ранило. Я с трудом отполз в канаву. Сашу, совсем близко прополз танки, и потом стало тихо.

Селезнёв, Козлов и Трухов лежали бездыханные. Задёб экипажа во мне, когда я увидел поднявшихся немцев. Собрая по-сладине срам, и открыла вновь автоматный огонь. Троих немцев сразили моя пули, остальные загрызли.

В это время подоспели на помощь наши. Загорелась огня танк, потом второй. Немцы повернули назад. Противники был отброшены. Рубеж прочно оставался за нами».

Они не отступили. Они не сдались. Они дрались — один против 10 немецких тан-

ков и тридцати гитлеровцев. Советские воины — братья Павла Корчагина — не отчаялись. Богатыри духа, они превозмогли свою земную муку и воссторжествовали в бою.

Сошлютко не боится, — говорят Острожский. — но взлеть мне сие раз на колену, прилечь сабакуло до боку, да не тряхнуть стариной, если гром ударишь... Что же, у каждого своего «судеба». Будут рубить дубовые сабаки...

Он поклялся в этом, когда его окружили ночь и смерть. Он повторил свою клятву, когда одержал победу и советским правительством награжден был орденом Красного Знамени.

«Гром удари, Острожский занял свое место в боской цепи. Сабак его остра».

Красноармейская газета «Боец знамя» прошла в полку тов. Деминского вечер, посвященный жизни и творчеству Николая Острожского. Это было необычный литературный вечер. Люди сидели с книгами в руках. За ними стоял Орёл. Их ждали Водолазкин, Герасимов, Бородулин, как вчера и его героями. Докладчики и выступавшие за них рядовые и офицеры говорили о том, что составляло содержание жизни писателя и их собственной жизни. Назывались имена литературных героев и рядом имена живых — тех, кто стал героями. Они присутствовали здесь на вечере.

Бойцы произнесли слово «корчагин», называя им лучших из лучших.

В окопах и траншеях читали мы книги Николая Острожского. Они переходят из рук в руки. Мы вспоминаем о них в времена фронтовых наших бесед, на собраниях и митингах. Хорошо, что в бою на коммандирскую скамью комсомольца, будто напомнили им о воинской присяге, о том, как велика их ответственность перед родиной. Он призвал молодых бойцов равняться на Корчагина. И они дрались, как альвы.

О корчагинцах хорошо говорили сержант Гергун и ефрейтор Маркелов, сержант Кобзакин и майор Донгуш, старший лейтенант Губский и капитан Киселев, красноармеец Валентин Ильин и старший лейтенант Афанасьев.

Когда в одном из боёв тяжело ранило комсомольца Николая Евсикова, в его вещественном испано обнаружили 500 патронов и книгу «Как закалась сталь», которая была изрешечена осколками снаряда. Он вернулся в боевые порядки, несмотря на боевые пасы. Она помогала воину быть стойким. Образ и мысли писателя были там, на подле бол.

Николай Острожский и его литературный двойник — Павел Корчагин — дали сильный ежегодник Михаилу Родиновичу и его орудийному расчёту устоять против немецкой брони. Ни их полные артиллерийские танки их было 18. Родинович со своими боевыми друзьями — экипажами орудий из отдельных машин — спасли стрелков от прямого попадания. Несмытые обрушились на них огонь целой артиллерийской батареи. Были из пламёнов и автоматов. Тщетно. Орудие не замолчало: они в упор громили врага. Родиновичи подбили три немецких танка (остальные попалились на глазах), разнесли в куски немецкую пушку, не один десяток фризов отправили на тот свет и расчистили путь своей наступающей пехоте.

— В трудные минуты Николай Острожский и Павел Корчагин, — сказала командир орудийного расчёта, — служили источником нашего самообладания. Их мужество передавалось нам.

«Корчагинцы» — так называли их за мужество и удивительную выносливость. И разве они в самом деле не корчагинцы?

Санитарный инструктор Фёдор Бородулин вынес с поля боя многих бойцов и командиров вместе с их оружием. Он говорит, что «крошки дружут с Павликом Корчагиным» и понимает, к чему обязывает эта дружба.

Это понимает каждый из тех, кто знаком с книгой Николая Острожского. Каждый из них старается сделать всё возможное и всё невозможное, чтобы приблизить день нашей победы над гитлеровскими подлецами.

Участники армейского литературного вечера обратились с письмом к матери писателя — Ольге Осиповне Острожской.

Его подписали тысячи товарищи, которые, подобно Павлу Корчагину, высыпали из стран Действующей армии и, конечно же ему же, возвращались в страну после неоднократных ранений. Они рассказали о том, как жили и творчество Николая Острожского формировало их сознание и их волю.

«Дорогая Ольга Осиповна! — писали бывшие. — Примите наш боевой красноармейский привет. Желаем вам долгих лет жизни. Вы — мать Николая Острожского — стала матерью каждому из нас, кто с оружием в руках борется за родину Николая Острожского. Каждый из нас чувствует себя сыном родной страны. И, неподобно вашему сыну, Павлу Корчагину, каждый из нас готов отдать все свои силы, всю свою жизнь борясь за свободное членчество от гитлеровской тирании».

Ольга Осиповна отвечает:

— «Дорогие сыны мои! Гримите фашистских ахлоедов, гоните их с русской земли, уничтожайте фашистскую племя. Бейтесь стойко, крепко, как бился мой сын Николай. Он говорил: «Вся врага по совести и счастью твоему». Павел, ты герой! Крепко обними вас за плечи, мама свой материнское благословление. Да моя на старости лет выпадет большое счастье — быть матерью таких героев, как вы».

Ваша Ольга Осиповна Острожская.

Счастливая мать, имеющая таких сыновей! Они бьют врага по совести!

Последним Корчагиным поднялась советская молодёжь на защиту своей страны. Мы слышим голос Николая Острожского:

«Фашизм — бесчестная собака. Фашизм — сумасшедший с бомбой. Фашизм думает всё самое чистое, самое благородное и прекрасное. Фашизм топором и верёвкой стремится повернуть мир к средневековью».

Мы учём бешенную собаку!

Мы не даём сумасшедшему бомбёжу, топором, верёвкой повернуть мир к средневековью!

ДОНБАСС ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Вся страна радуется восстановлению бессудную гитлеровскую извергами промышленности Донецкого бассейна. Комсомолцы и молодёжь, пришедшие на шахты и заводы Донбасса, трудятся, не желая сидеть. Они говорят: «Мы сделаем всё, чтобы возродить Донбасс, вернуть космосозидающей почегаре её бытую славу!»

На снимке: восстановительные работы на шахте № 3. Слесарь-монтажник двухсотник Д. Кудинов (слева) и Е. Рейтос приходят в порядок лебедку.

Рассказ

Рисунки И. Муратова

Змия пересохла, и пах ей, поднимаясь из разрытых снарядов, застилая изобь. Тускло светило солнце, окрашивая в багровый цвет жёсткую уж, в исходе листа, покрытую пылью траву. По линии тихо бежала речушка, по она, притянута к иссохшим кустам, тоже изнемогла от жары и ждала дождя, как всё в этот день.

Ход сообщения вёл от реки в гору. От постоянных сотрясений земли он обмелел и во многих местах был разворочен фугасами. Вокруг оставалась лишь одна из чёрной почвы горы, терпкая разлом с завитком колючей проволоки безобразной алгидации голова с выпученными глазами. Альгидка не издавала ни звука, — может быть, она была контужена.

Трепетный запах наполнял ход сообщения. Поэтому, а также потому, что во время обстрела человеку спокойнее под крышей, а ход сообщения был опасен, солдаты по трапезе очищали быстро и, восторгом гребня высоты, проворно скользили по сбывающим ступенькам в блиндаж.

Телефонисты с трубками, висящими околью уха на бичевке, и связные с автоматами на груди — все в блиндажах жались к земле и в шестнадцати ступенях, вспыхнув дымом, майор, который сидел на столе и зевал, забрасывая пальцы волосы, и лежавшему на посыках у входа в блиндаж учились красногвардейцу. Тело бойца конвульсивно вздрогнуло, борясь с немой силой смерти. Но всё равно жизни уходила вместе со слабеющим потоком крови.

— Занеси сам, нужна спасательная перевязь, восстанови ноги, ноги в развалившемся санитарии, которое принесли сюда раненного и теперь столом по обе стороны ходу.

Один — тот, что был постарши и пониже ростом, отступил тихим и очень спокойным голосом:

— Нет, товарищ майор, этого мы не можем. Только скажи, что ты послал его в одиннадцать полка? «У меня», — говорит, — кость к твоему майору обязательственного долга. Да он сие должен прослушать: это, смотри, соединил его с миром. Эхан, в самом деле, лукотки!

Майор вытирая нос паштаком, развеснившийся на плече, и в то же время земляком, колени, из которых была выставлена двадцатая стерофтруба с пушками веток над стеблями. У комиссара здесь был вход в блиндаж, наблюдение же они вели на посток, через речку. Но теперь блиндаж повернулся газами на запад.

Наезд фуражку на козыреком, майор стал издавать трубу, и в то же время, лопиной промежуткой, как через роговую трубку. Там, в низменных отстойнях воронках и трясинах, лежали бойцы. Майор ясно представлял, как на трапезе вышла самодельная пушка, как она развернула ствол по часам и стала посыпать снаряды и как умиравший теперь бронебойщик, который остался в живых, сжал ружьём. Считалось, что это — и подобь самодельную пушку. Когда пушка умоляла и товарищи его вернулись на место, изорванное тело бронебойщика лежало, полузасыпанное землей. Его открыли и понесли по ходу сообщения.

Многое произошло, а всё сие было утго. На востоке вставала туча, похожая на

человека в распахнутой бурке. Тень от бурки шла звямы, погасив их багровую окраску, а тень на пахах пролегла широкой и ровной полосой по щекам, перистым облакам, и они в этой полосе были, как чёрные панты.

Вернувшись в блиндаж, майор наклонился и начал посыпать. Глаза бронебойщика были темные открыты.

— Ну, как наши дела? — спросил майор тоном врача, которого позвал сапожником поиздеваться.

— Вот покурить надо бы, — медленно ответил раненый. — А вонючий пускай сиы. Я тут всё сказала.

Майор раскурив папиросу и дал ей бро-небойщику.

— Так дождь? — спросил раненый.

— Так дождь.

— А мы, помимо, ждём грозы.

В это время телефонист сказал, что восстановлена связь с «Днестром», то есть с первым батальоном, который именно и лежал на склоне высоты.

Майор взял трубу. Ни весь блиндаж раздался в гул, потрескивание, как будто что-то пригорело на сковороде.

— Слушаю, — сказал майор грубо, — опять у тебя прежняя песенка? «Заделись, эблокировали» — это всё слова. Я спрашиваю: будешь ли ты к однинадцати полночь там, где приказано? Ну что тебе миешься?

И голос комбата прогудел на весь блиндаж:

— У меня люди сиы.

Майор вспомнил, что бойцы двое суток не смыкали глаз. У них не хватало сил завершить атаку и увеличить передовой стрелок. За это солдаты получали из боя. За то, что лежали, апериодически могли развернуться наши танки. Она была каким-то открытым простором. Её так и называли «высота Ключевская».

Майор приказал выдвинуть резервную роту для отражения возможных вражеских контратак, а сам вернулся к раненому.

Жёлтая рука бронебойщика теперь лежала на земле вдоль посылок. Закатая в мешки пальцы погасли тихо, тихо, как погасла жизнь солдата.

— Чо от вам рассказа? — спросил майор.

И его альютан, юноша с чёрным пушком на верхней губе, отступил, стесняясь и глядя в землю:

— Он просил написать письмо его сыну. Вот адрес.

— О чём? — спросил майор, которому было исполнено всё это и не хотелось отвлекаться от мыслей о высоте.

— Вы когда-то посыдали его под арест. Ну, он показывалась сыну, а сын будто бы отвёз, что тоже посыда бы его.

— А кто его сын?

— Командир полка, как и вы. Альютан посмотрел на мертвого бойца и добавил:

— О хотела, чтобы вы написали егы сыну. Ну, он, говорят, хорошо воясал, а сыы не знает.

Майор вспомнил день, когда он изложил выскаженное на этого уже немолодого бойца. Пока был на марше. Настроение у бойцов после продолжительного безძестства было беспечное, и на приivals забывали, что мужчины не смеют быть боярами, бородами по болотам в поисках цыпленков и лягушек. Это здравил майора Бронебойщика — теперь майор вспомнил и его фамилию: Синесбер — потерпелся на одном призвале в подолье и только к вечеру донес полк.

Майор не рассказывал в том, что наложил на себя арест. Синесбера, но ему было полезно знать, что он потонул ни разу не потонув с ним.

«Да, конечно, надо было позидать Синесбера, — подумал он. — Имено потому, что посыдал его под арест. Надо было посыдать через некоторое время. Это была мой офицерский долг. Позидать и поблагодарить за службу».

Майор сел за стол и начал руку. Но черная смолка Альютан стала разводить одеколоном толстую массу в немецкой зелёной ракете. Пока он готовил чернила, майор заснул, синя очи прочно за столом и касаясь кончиком пера листа бумаги. В глинише раздавалась только осторожный голос телефона:

— Ты кто? — спросил. — Ты? В Болгарии? — спросил. — Дистер? Дистер? — Он указал майору на того, что удалил и раскатал дробовым треском гром. На землю хлынула кружиной и частички дождь, насточний наильский дождь. Через минуту потоки воды ворвались в блиндаж, сбегая с обеих сторон по ступенькам.

— А, все, на борьбу с сиихой! — — послышалась вдруг в трубе. — Ты приказал, майор, — подмылась из-за стога.

Со входом были сорваны плащи-пластики. Сквозной ветер ударили в двери в двери, загасил контику и бросил горючими капель на жёлтых лицо бронебойщика, который так и не дождался грозы. Алис бойцов было мокры, бледны, синя. Гренады, кипя, брызгали перегоревшими гранями по полу.

— Ишь ты! Дистер! — насторожил телефонист. — Обрызгали, товариши, майор!.. Эх, бывало, в такую грозу боенщик по улице... тихо добывал, он.

В это время на алине появилась «Берензина» — командир артиллерийского дивизиона.

Майор взял трубу, и артилерист, находившийся у подножия высоты, тотчас же сказал:

— Сестричка пошла...

Артиллерист любил называть пехоту. Майор ясно представил, как поднималась с грозой бойцами, пошаман в атаку, глядя в лицо смерти глазами, в которых читал радость жизни. И как вымокшие юноши в растерянности бросали позиции, гонимые не только нашими оружиями, но и грозой.

Он бросился к стереотрубе. Алис схлынула, на небо осталась лишь имитация облаков туч. Воздух был прозрачен, и майор сел трубу ясно увидел красный флаг на палубе корабля «Ключевской».

Артиллерист противника умолкал, может быть, она уже снималась с позиций. Над блиндажем, над золотой россыпью отгасшей ронинки парил жаровонок.

Майор вернулся в блиндаж.

— Мой брат! — написал он. — Сегодня твой отец пал смертью героя в борьбе за высоту «Ключевскую». Я мало знал его, по горюю о нём, как сын. Мы поставили ему скромный памятник на высоте и дадим прощальную тень. Мы сделаем это ещё сегодня, так как надлежит встретить новый день далёко отсюда.

— Ну, как наши дела? — спросил майор.

Мих. Матусовский

ПЕСНЯ О ГЕРОЯХ

Посвящаю Герою Советского Союза Айдизды Тахирову

«Бреду и сам не слышу своих шагов».
(Туркменский поэт XVIII века Махтум-Кули.)

Семнадцать дней в снегу по пояс,
В короткий вышинину из снега.
Укрытый сосенками поезд
По подуставкам колесил.
Пред ним мелькали в беспорядке,
Ветас от бомбёзок на дыбы,
Столбы, вагонные плоскости
И вновь площадки и столбы.
Все в снегу, кроме светлого,

И, оглушив его склон,

Ему настручу ночь летела
Составами порожняком.
Пред ним мелькали перегони,
За перевалом перевал,
А он зелёные вагоны,
Как будто картины, таскал.
На восинадавленные сутки,
Потом в свободе вагонов туркмен
К разной станционной будке,
Или, как пишут, к пункту И.

Вдали гремела канонада...
И открывалась им земля,
Необразимая для взгляда,
Как море с борт корабля.
Со всех сторон камни ширеи,
Но впереди чистые сугробы.
Как в стадионной пещере,
Свалили ветки и кусты.
Земля была седой и синей,
А белый лес едё седей,
И тут же превращалась в иней
Дыханием тысячи людей.
На всём лежал дымок рассвета...

Тогда синяя земля...

Зимой летом и быстрым летом...

Здесь снег и снег без перемен,

В вагонах здесь не сашко лая,

Здесь вымыжены войной поля.

Вах-вах! Каиня нежилая,

Какая строгая земля!..»

Дорога шла всё время в гору,

И теряла в глазах солнце.

О «без» думал Тахир, о «богу»,

Калхиинский вон! Айдизы?

Принудился к ему нестройный

Родных морей вечерний гул

Иль посыпал пустыни знойной

Из глины сплелись гул,

Когда, сойдясь в мирный ужин,

Семь глади в огне без слов,

Когда в вагоне пахнуло кипятком,

Когда в вагоне дымялись ялов,

В тот час уже земля успела,

И только сашко, как вадзи,

Над сонной древностью гул,

Кричат и плачут журавли...

Иль просто, зубы сквах от муки,

Он шёл, надеясь на привал,

И коченевшие руки

Своими дыханьями согревал.

2.

В снегу прокопаны землянки,
Бойны тоскуют у огня.
На этой прозрачной стоянке
Тахир жил четыре дня.
Он привыкал к метеям нашим,

К необычайному меню;

К солдатским шам, к осенним кашам,
К артиллерийскому огню.
Он был привычен к всем жестким
И к текстоне походных пар.
Его товарищ из березы
Искусно выдолбила дутар;
И Айдизы в часы покоя,
В часы короткой тишины,
Слегка дрожащую рукой
Касался бережно струны.
Другой привык к березе,
И знобий подсено сасыка ей,
Когда Тахир вол в розе,
С которой архит золовей.
И новгородская береза
Сумела воню в пути
Чужую волу, чужие сабы
На воню язык перекрести:

«Сяд замерзает в торжестве,
Проходит шагов по листе,
Коэр от занавис бледнеет,
Когда ты ходишь по траве.

Глазам застенчивым — не верь,
Речам изменчивым — не верь,
Но если счастье к вам стучится,
Как перед ним закроется дверь?

Я только рука, ты — фиал.
Я только ножны, ты — кинжал.
Ты шла к источнику с кувшином,
А я глазами провожала.

Я лишь рисунок на рельбе
В твоих изменчивых судьбе,
Я осторожно и незримо
Всёдуп сопутствую тебе.

Ты становиш птицей — я кустом,
Ты становиш рекой — я мостом.
Ты становиш вонюм красивым —
Я языком тебе щитом.

В такую погоду при гуще
Ты, как живая, синища мое.
И кто тебя такую создал?
Наверно, добрый Кемин.»

Ударом команж перчатки
С воротника сбивая снег,
Откнула воню пальто-матраски,
Вонёб — высокий человек.
Ему как гость, старший вони
У пеки место уступила.
И так он ладно был устроен,
И так он вкусно ел и пил;
Был полон смисла и значенья
Любий его нустаный жест —
И то, как он сажал сабы,
И то, как он на печене сидел.
Казалось, на нулька иначе,
И было видно по всему,
Что только счастье и удача
Всём сопутствуют ему.
Казалось, он с боями вместе

Ещё с приездом был знаком.

Всегда сидел на этом месте,

Всегда делал сабаков,

Боялся туркменами по-русски

И петь распластывала учил.

2. Туркменский музыкальный инструмент.

Казенный сахар ел «припуску»,
В воде сухарии моил.
И так легка тутой комокой
Проба, и свободный вея,
Общительный, не очень тронкий,
Но комицкий человек.
Потом он силн ремни, как дома,
Шинель повесил у дверей:
«Ну, вот мы с вами и знакомы,
Ваш изводный — Савушкин Андрей!»

3.

«Кто забывал для бол всё, тот избежит забывания...»
(Махтум-Кули.)

В солдатской форме не впервые,
Оставив мирные дела,
Всёдуп сопутствовал Тахир
На поле ратного призыва.
Сегодня происходит встреча
Под сенью воинских знамён
Имен, эзиков и наричий,
Законов правов и памён.
Мы ближе к цели с каждым мигом,
И слово «Родина» и «Мать»
Мы научились говорить с ним
На всех языках помнить.
Нет, не за пристрастием чашей
И не за праздничным столом —
Росла и крепла дружба наци,
Под Старой Руссой и Орлом,
Они в сражениях испытала
Всю силу мести и любви,
И эта дружба ины стала
Всёдуп сопутствия кровей...
Настойчиво и неизменно,
То залет, то бегом,
Шли в наступление туркмены,
Не клаиня перед врагом,
Любимы славы и победы,
Седоголовые орлы,

Так шли их прадеды и деды,
Так шли в сраженье Каргополь,
Несущи воню пальто-матраски,
Сквозь все преграды напорол,
И если падал, тобико мертвым,
И только к недрну четом.
По вончым ямам и ярутам,
Через пылающие огни,
Тахир всдул юба на другом,
Не отступая ни на шаг.
Туркмены клаиня спарадан,
Столы с лапи задыоню пот.
Казалось, с Савушкиным рядом
Любая путь не возьмёт.
Так шли они в огонь и в воду,
Под гром-немецких батарей,
Сыны туркменского народа,
И вёл их Савушкин Андрей.
Его не заливало вина,
Его шадла в бою снаряд.
Он не носил большого чина
И не имел больших наград.
Он мог поджечь бутылкой танки,
В консервной банке чагирет
И так умел мотать портнихи,
Чтоб ног в пути не затирет.
Еще сильнее, как говорят,
Без дамы разложат кости,
Дождём умьются, ником брькье —

2. Туркменский богатырь.

Солдат на выдумку хитёр...
Есть в нашей армии немадо —
Повсюду снимки их видим
Орденосцев, генералов,
Героев инойшей войны.

Известны широкому народу
Их ум, их храбрость, их смелость.
Но не ум в честном городе
Товарищ Савушкин, сержант.
Он не снял немецких ассов,
Не пробирался в тупик к врагу,
Шинель ремёй перепосадил,
Он месяцами спал в снегах.

Сквозь все страдали неустанные
Солдаты шли впереди руку.
И Стальянов, составляя памятник,
Всегда имел его в виду.
Когда над полем смерть витает,
Но нужно двигаться вперёд,
Товарищ Стальянов твёрдо знает,
Что Савушкин подведёт.
Лишь только руки и бусерки
Ушли в почную темноту.

Отец Стальянова, старший лейтенант
Обрушился на высоту.
По молодым и старым соснам
Шёл на бойцов железный вал
И фланговыми и перекрестьными
С земли подниматься давал.
Ослепший от огня и яда
Андрей Стальянов склонил голову:
«Дорогой, ребята! Немцы хуже!
Мы — наверху, а он — внизу!»
Он позавис в каждом длоте.
Как подаграет стрелку,
Сперва кричал: «Привет, пехоте!»
Потом: «Нельзя табачку?»
Всю ночь пребывалось это
И трижды уходил в залежи.
Лица плавло, как из чехла,
Дыханье формочкой земли.
По снегу молния плавала,
И была у тут такой накал,
Как будто кто-то, взлох, кресало,
Огонь из неба искасал.
Стопы покрасели, покалечили,
Верхушка кутая в дыму.
Когда Андрей упал от пуль
Тахирров бросился к нему.
Как вяз подковщиком, громаден
Лежал он, молод и высок,
Как будто, насторожившись за день,
Вздремнувши, обрадился в часок.
Ему всплыла с земли с весною,
В родном крае побывать,
Не выйти троеко лесного.
На синекую Ловать,
Не усмеясь жиков и бойкий,
Неугомонный говорок,
Как доблит дитям, скакут сбоки
И свистят ветерок.
Не уходить, как на подиуме,
Кладут драмью земной поклон
Цветы золотой толокинки,
Богульник и кукушник лён.
Не за чужой рубок он дразнился
И умер не в краю чужом.
Он даже мёртвой оставался
Непроказным рудником.
Легко сорвалась снаряда
Отдавший жизнь свою сполна,
В раках русского покрова,
В шинелях серого сукна.

Чтоб был огонь прямой и точный,
Как Савушкин его умел.
Туркмены вились в одиночный
Свой затон, передышка.
Он оглядел последним взглядом.
Воспоминающийся ташиной,
«Максим», раздался спардеч,
Блинцами с проломленной степной.

В его холмистое оставалась

В земянке с шаткими столбами
Он молча падал и вставал
И пересохшим губами
Себе команду подавал.
Бывало, раньше в жарком споре
Он вспыхивал, как кипяток,
С бесовским огњем во взоре
Хватало сразу за книжал.
Любил он свист туркменской патеты,
Синие праздничного дна,
И блещущий в лица жаркий ветер.
И бер ногатного коня.
Теперь же он был спокоен,
И, видя вин из-под руки,
Он был один на поле воин,
Всем поговоркам вопреки.
Перевевавший как попало,
Он был по немцам с высоты,
Но крои неслышимо проступала
Сквозь все поговорки пытка.
Как будто вин туркменам,
Мозглися он в той земле,
Где крыши лепятся по стекам,
Как птицы гнёзда на скеле.
Когда он лежит, пылая
Горячим пламенем песка,
Когда над миром нет ни лаз,
Ни дуновения ветра.
Теперь же вин были близко.
Рука на вин прощера он:
До смерти было четверть диска —
Семнадцать и один патрон.
Тогда он лёт ником и замер.
И только била кровь в виски,
Перед закрытыми глазами —
Пески, неслышимые пески.
Вправду, пылали по скату...
Ещё услышан один
Он встал и бросил в них гранату...
В последний раз проша пред ним,
Огнём дальними мига,
Верхами сосен шевела,
Вах-вах! какая дорогая,
Какая милая земля!

4.
*«Пропойте, родичи,
Одра ваши в плене...»*
(Туркменский поэт XIX века Зелили.)

Сарай был, как могна, тесен,
Тесен и вин и вонерек.
Покрыл изморозь и пlessень
Его дошатый потолок.
Чадила свечка, дугоря,
Но так темно и тускло так,
Что по сырым углам сарая
Стоял тюремщик погон...
Сарая винеца винеца
То сарын сапог, то стук копыт.
Стараясь не стоять от боли,
И спит Тахирров и не спит.
Ему торецик приносит
Еду в немецком котелке,
Его фельфельбе на допросе
Отцовск грядет погон...
Сарая винеца винеца
Ему спокой и плюв.
За это должны он немного:
Сказать всего лишь пару слов.
Он спит в сарая на рогоже —
Ему обещана кровать.
Но он твердит одно и то же:
«Моя по-русски не понять!»
И не пытается винеца
Туркмен не разжимает губ,
Не принимает папиросы,
Не ест немецкий габер-сун.
Верхами на руках обрезав
И повернув лицом к стени,
Его хотят сломать в железом,
Его хотят на огне сжечь.
И если жизни ему дороже,
Тахирров должен отвечать.
А он твердит одно и то же:
«Моя по-русски не понять!»
Две слова им сказать не боле,
Их, испытав великий гнев,
Он больше не боится боли,

От этих мух окаменев.
Как часто здесь, смотри на стены,
Живые пальмы, живые горы,
Мечты увидеть от туркмена,
С туркменом душу отвести.
Тахирров верит и не верит.
Но я кланяус, Махтум-Кули,
Когда в тюрьме открылись двери —
Туркмена в комнату ввели.
Вот щёлкнула ключ над головою.
Все винеца винеца
Теперь их было только двое —
Никто подслушать их не мог.
«Я не посушал командария
И добровольно слался в плен.
Ты не знал меня, Тахирров?
Я твой знакомый, я туркмен.
Здесь переволов очень нужен,
Родичи твои, горячо.
Тебя для дашу на узни.
Ты сможешь целый день курить,
Когда в котле твоём дымится
Густая, жирная шурва».
И все славно кому молиться,
Какие говорить слова?
Здесь жить спокойно и надёжно.
Но винеца винеца была...
Её ведь даже с чортом можно
Хлебать из одного котла!»
Над всей страной, над всеми миром
Сейчас гудела ночь войны.
Тогда с постелю встал Тахирров,
Касаясь пальцами стены:
«Мое ревено не погибло,
Но я, душа не погиб, чем этот ялан.
Хочу, а лесть нет двух туркменов,
Из нас двоих — один туркмен!»
Не смерч шумит по переселкам,
Вздыма облако золы,
Не гром обрушивает с треском
Многовековые стволы.
Слепые их хлюпа снежной пены,
Их винеца винеца винеца,
Идут таюшко-туркмены
Из пленя друга выруть...
Не взвод, не рога, не бригада:
Шла в наступление кишлаки.
Шёл жаркий ветер Ашхабада,
Шла каракумские пески.
Шла лесистая синяя скатая
Шла весь народ по одного,
Чтоб отомстить врагам заклятым
За гибель сына своего.
На чёрной, выжженной полянке,
В седой игольчатой пыли,
В немецком изворзанной земянке
Другой Тахирров наяву
Даёт винеца винеца винеца
Отдавший жизнь свою сподола,
В раках русского покрова,
В шинелях серого сукна.
И, чтоб избраться вечной силы.
Бойцам с собою учесли
С укрытой Еланами могиль
С прости и винеца винеца
Когда винеца винеца
Мы возвращались с похорон.
Федорский лес как бы вперёд
Открылся нам со всех сторон.
Закат, пылая над снегами,
Казалось, край земли подъёж.
Под винеца винеца саганы
Собаки посыпали снегок.
И в самое дне, нам казалось,
Куда сейчас по поглади.
Что это присказка кончалась,
А сказка будет впереди...
Прекрасны и неуловимы,
Меняясь на пути своем,
Винеца винеца винеца
Над каждым валенским жильём.
Косое солнце освещало
Просторы зимних деревень,
И даже небо предвещало,
Что завтра будет ясный день.

³ Сул.
⁴ Изменник.

КАК МЫ ЖИЛИ ПРИ НЕМЦАХ

Воля Сербина

ГОЛОД И СТРАХ

Вместе с немцами в Харьков пришел голод. Это мучительное чувство не покидало меня ни днем, ни ночью. Вечно хотелось есть, и это желание убивало вслух другое.

В начале 1942 года мама отпраздновала в деревне, за 70 километров от города. Там я прожила несколько месяцев и вернулась в Харьков. Но недолго жила я дома. Немцы почти всю молодёжь отправляли в Германию. Оставаться в Харькове было опасно, и мы с мамой снова ушли в деревню.

На этот раз и деревня уже не спасла от немецкого плача. В сёлах начались то же самое, что и в городах.

И вот мы снова дома, в Харькове. Нас ждут нещадные повестки. В каждой строго предписано немедленно явиться на вербочный пункт с вещами.

Что произошло тогда в городе? Людей хватали на улицах, в трамваях, в автобусах и в поездах. Жизнь стала сумным злом. Мы выдыхали из каждого шага, точно своей стали болты. Страшно было выйти на улицу, страшно оставаться дома. Мне подругу из школы Агюль-Шенкен привезли из Германии по мобилизации в армию. Она уходила, будто на войну вместе с четырёхлетней сестройкой, потому что ребёнка оставить было не с кем. Но ей, бедняжке, не удалось спастись. Немецкий часовой обнаружил её и выстрелил в голову уложка на месте. Тут же погибли прикончина и ребёнка.

Соседи по маминой просьбе вешали на дверь квартиры старый наружный замок, и мы беззынко свяли с него кирпичи для печных колодьев. Но как-то позже во время очередной облавы немцы стали ломать двери. Мы успели вылезть в окно!

Не знаю, чем бы кончился этот ужас. Тессы бы не пришла Красная Армия. Теперь о жизни при немцах я вспоминаю, как о каком-то кошмарном сне.

Виктор Чубенко

МЕНЯ ПЫТАЛИ

То, о чём я хочу рассказать, произошло со мной виновнику летом, месяцы за два до прихода в Харьков наших войск.

Но сперва я должен вернуться немецкому позади и сказать несколько слов о Володе Коновалове — вочная память ему, бесстрашному комсомольцу и верному другу.

С Володей я знаком давно. Он жил неподалеку от нас, на Осипове, и работал кинопроектористом в железнодорожном клубе. Как и я, Володя увлекался радио. Иногда мы увлекались мастерством прыжников, чинили развлекательную аппаратуру.

Не зная, сообщали ли кто-нибудь немцам про володинские способности или он сам предложил свою услугу, но только Володя стал работать у них мастером по ремонту радиоаппаратуры. Немцы оборудовали ему мастерскую в подвале и разрешили вести двух портфелей.

Как-то Володя увидел у меня случайно завалившийся старый микрофон и дав аккумулятор.

— Виктор, отай их мне, — настойчиво попросил он.

— Зачем они тебе?

— Для радио.

Я понимал, что добываетесь беспощадно, и отдал. Мессы через полтора после этого он вызвал меня для серьёзной беседы. Речь шла о моей работе. Я поступила черговщиком в депо станции Осиево; и Володя потребовал, чтобы я уменьшила размеры в своих чертежах. Тут же он научил меня, как это нужно делать, чтобы не понастать.

Потом я получила свой олово порученческими прибрежными для него у мыльяр фотографии и пыльник к нему. Мальчики торговали ими угодно, и я из всяского труда выполняла воюющие задания.

И вдруг я узнала, что Володя арестован. Схватили его в субботу, перед вечером. В понедельник, как всегда, я принесла на работу и усадила за свой стол. В коридоре было множество, напряженная тишина. Никто из них о чём не говорил, но каждый, конечно, думал о Володе: его знали и любили.

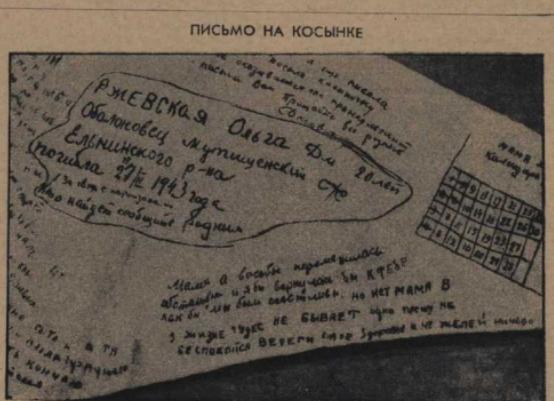
После обеденного перерыва вошёл юный конторы и с ним юнкерский офицер. Все насторожились. Я наклонилась над чёртёжной доской и сказала вид, что все-

го передёрживала, ломала. От нестерпимой боли мутила в голове.

Он ударил меня и странных ударов по лицу. Две женщины немедленно избили меня с обеих сторон.

Что дальше было, не знаю. Пришёл я в себя в какой-то крестьянской костюме. Хотел было повернуться на спину, но взмыл от диковин. Пришлось опять улечься плащами, хоть и так почти невозможно было лежать. Возде меня стояла сослуживщица, которая сказала: «Все живы вместе со мной». От неё я узнала, что мы живём в деревне, где расположена гестапо.

Два дня никто нас не трогал. На третий день меня привели в землянку, покожую на банище. Опять пошли допросы и пытки.

Эту белую косынку висела Ольга Жемевская. На косыне писал в чёрную и бесконечную творческую ночь, дрожавшей от пересеянных выигрыш, девушка писала матери:

«...Не забывай, береги свои ахороды...»
Потом она перешла к письму матери:

— Не плачь, и скажиша, что умерла Родина! Продолжай писать и скажиша склады:
— Впереди, моя дорогая, пропац, Родина, пропац, товарищи Степан!

Сентябрь 1943 года немцы расстреляли двадцатилетнюю Ользу — отважную из деревни Болганская — супружескую парижанку, склонную и мужественную к сопротивлению.

Продолжай писать, ей в декабре, Петроградской «Красной звезде», где отвечала Ольга ответила:
— Я искальвила вас. Её усадили в гестаповскую ячейку, и она умерла. Но не пердя величественные вымыселы.

И вспомнила она о том, как в 1943 году в Харькове на базаре вспыхнула пожар, и как погибли горы боевых товарищей Ольги и Петра.

Но последнее слово героя было: «Приди к нам, мы равно отомстим!»

Она погибла из-за того, что не могла родить сына, и счастливые гиены

расцветают в родных колыбелях из доступной земли, оставив живы за родину.

Чело занят чертежом. Офицер направился прямо ко мне и спросил голосом офицера:

— Работаете?

Не успел я и рта открыть, как он сквата моня за ворот и рвунул так, что я свалилась на пол. «Комик», — промыла я и поволок меня на второй этаж.

Кроме офицера в комнате, куда меня привели, были ещё два жандарма. Началась драка.

— Ты организатор партизанского отряда? — спросил офицер.

— Какого отряда? Я ничего не знаю...

— Ах, но знаешь? — схватил противотанковый офицер.

— Ну, сейчас узнаешь... — он отжал клюкву отрыгнувшись командой.

Так я до конца познакомилась с поганым миром немецкой «техники» — портативной камеры видеокамеры.

Жандарм вынес из портфеля небольшой пакетик, в который был вложен индуктор. Индуктор имел мне неизвестные и опасные навыки проникновения в оборудование, начальную крутил индуктор.

Это была азаская мука. Тысячи огненных языков насквозь пронзали мое тело. Меня все-

го время одного из допросов произошла моя отца стакана с Владимиром Коноваловым. Ни него страшно было смотреть: неизуроводим, избы от цеузаляемости.

Но все вопросы Коновалов твердил, что заслуживает смерти, что я никакого отношения к партизанству не имею, и во всём виноват только он, Коновалов, и никто больше. Позже я узнала, что немцы его расстреляли. Умер мой товарищ, как герой.

Восемь суток пробыл я в гестаповском застенке, и изо дня в день повторялся побор, мучения, истязания.

Но случилось чудо: меня не расстреляли. Однажды ночью меня разбудили и повезли. Я думала, что я казнь, оказалось, что на вербочный пункт для отправки в Германию. Смертной казни мне заменили изгнанием.

И от категори и спасся. Бежал. Ночью я быстро перебрал через забор и спряталася в каком-то сарае. Меня искали и не нашли...

Зверски убитые немцами жители города Краснодона.

Валентина Славатинская

НА НЕМЕЦКОЙ КАТОРЕ

Из Харькова немцы силой угнали в Германию более ста тысяч юношей и девушек. Но минометная эта горькая доля и меячи.

После нескольких дней мучительного пути я очутилась на берлинской бирже труда, в общество нескольких сот моих сочтенных сокамерниц.

Дни мы проводили на бирже взлетевшими. Завод послал нам ушилательную процедуру «формализации»: нам повесили на шею бирки с номерами, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, а вечером отвезли в лагерь.

Лагерь состоял из длинных деревянных бараков, разделенных на маленькие кабинки, в которых находились 50-80 человек. Сторожка над немецким ландышем со зловещим псом, которого он звал Рекс.

На следующий день нас отправили на работу на завод военного спаржевания «ДВМ». Между собой мы называли завод «Дом вечного мучения». Запах и вкус давленой зелени довели километрах от автозавода до сознания. Семь часов в сутки надо было сидеть на электричке, а дза — на пешком. Принести в ожидании поезда не разрешалось. Сгребо запрещалось также прятаться под каштанами, даже если на дворе было艳阳天.

Работа начиналась в шесть часов утра, и нас поднимали в три часа ночи. И это время занятое засыпкой и проборкой.

Особенно рано ссыпалась каштаны, у всех лишили и груди знаков — Ост.

За здешнюю прозивность, насточную или минимум, нас нещадно избивали. Резиновые палки надзирателей никогда не лежали без дела.

Я решала бежать. К моему решению присоединились три подруги. Мы сестры, и одна из нас была еврейкой.

Такой случай представился. Шёл сиропный ливень. Как обычно, мы лежали посыпая, чтобы ехать на работу. Вспользовавшись тем, что немецкая охрана укрылась под навесом, мы, вместе с немцем незаметно для других вскочили в вагон поезда, шедшего в противоположную сторону, прошли его и остановили и склонили. Всех нас пустянили в дверь вагона. Мы обмыли поезд поездным принтом, стараясь не попадаться никому на глаза. В дороге пытались шарабанить, чтобы сбрасывать на полях.

Так мы добрались до старой немецко-польской границы и перешли её.

Польские крестьяне не хотели давать нам пропуск, притворяясь глухими.

Через два месяца с величайшими трудностями я добралась до Харькова.

Дни подполья

Иван Туркевич был членом штаба и комитетом подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в Краснодоне. В числе первых молодогвардейцев ему удалось избежать ареста и расправы. Он перешел линию фронта и в рядах Красной Армии стал сражаться с немцами. За активное участие в боевой деятельности «Молодой гвардии» правительство наградило Ивана Туркевича орденом Красного Знамени.

Мы помечаем воспоминания Ивана Туркевича о подпольной работе комсомольцев Краснодона.

ЛЕТОМ 1942 ГОДА

Тяжелым было лето 1942 года. Части Красной Армии отходили, в окрестных схватах сдерживали бешено наступающего врага. Сыны были искрыны, и нам приходилось оставлять наши городские дома, чтобы не быть захваченными.

В одном из боев я попал в окружение. Несколько дней броня по занятым немцами территориям с одной мыслью: во что бы то ни стало прорваться к своим. Но мне не повезло. У линии фронта немцы схватили меня соного и под стражей доставили в лагерь военнопленных.

Пять дней, проведенных в этом страшном месте, я провела в ожидании смерти Куркуя мотылька жертвы — вот все, что я сказала за это время. На шестой день лагерь начал перегонять на новое место. И я попадаю в бежка.

От голода и усталости я совершенно обессмыслилась. Тенер уже идумать нечаялся о переходе через фронт. И я решила прорубиться в Краснодон, пожирав у рюмок, сколько можно. Будет видно, как действовать дальше.

В августе я уже была в Краснодоне. Здесь я рос и училась, вернувшись в комсомол, отсылая ущелья в Архипо-Осиповском городке многое эпизоды, но никто из немцев меня к сожалению не знал, кроме советского офицера.

Гитлеровцы установили в Краснодоне так называемые «погородки». Была создана управа, «биржа труда», введенна полиция, организовано гостеприимство.

Сейчас же после прибытия гестапо начались массовые аресты коммунистов, комсомольцев, одесоновцев, старых красных партизан, свидетелей. Всех их расстреляли. Тридцать шахтеров за насилия на регистрацию были заключены в замок на живодерку.

В эти дни кировского разгула гестапо-гитлеровцев я узнала о «Молодой гвардии».

О возникновении подпольной комсомольской организации я узнала не сразу. В народе появился рукописный листок, рассказывавший о деятельности подполья на фронте и я поняла, что здесь действует подпольная комсомольская группа.

Нужно было найти этих людей и связаться с ними. Но как это сделать? Осторожные расспросы знакомых и сестер ничего не дали.

Но вот однажды ко мне подходит Анатолий Ковалев и по-принятельски попросил помочь ему в киевской квартире.

Приехал вечером, закрыл на патронной замыслом — сказала он, — по-своему помочь, поговорить.

Я принесла и наставники пришел. Анатолий ждал меня, дома у него никого не было. Заговорили мы, конечно, о прошлом, о том, как жили до немцев, испытывали разные судьбы. А потом, вспомнив прошлую, такими дорогами. Потом речь помчалась о немцах, об их порядках, о событиях в нашем городе. Как бы случайно

упомянула Анатолий о листовках. Я уже давно чувствовала, что и приближение этого и разговор весь неспроста, и насторожился.

Сидим мы оба и глядим: кто бы это мог листовки такими писать? И вдруг он спрашивал:

— А хотели бы ты быть с ними?

— Конечно, — говорю, — ишу их, да найду, мот.

Анатолий посмотрел на меня внимательно и говорит:

— В таком случае застра будешь иметь связанные с одним из этих людей.

Так я связалась с «Молодой гвардией». Через несколько дней я уже встретилася с Олегом Кошевым, Ваней Земуховым, Сергеем Толстиковым и другими товарищами. Потом всех их и знала давно, с некоторыми учился в школе. И они меня знали отлично.

«Молодая гвардия» еще только создавалась. Для руководства всей работой была избрана штаб: Олег Кошевый, душа и вдохновитель всего дела, был назначен комиссаром. Иван Земухов — ответственный по разведке и связям с армией. Меня, сына своего товарища избрали в погасившем командиром подпольной организации. Штаб разбил все членов «Молодой гвардии» на пятерки, поставив во главе их наиболее прорванных, подъемных товарищей. Группой Первомайского поселка руководил Анатолий Попов, Центральной группой — Евгений Машков.

Остальные группы возглавляли Анатолий Ковалев, Николай Сумской, Алия Иванчикова и другие. Для товарищей, примыкающих к организации, было решено ввести взаимомосковских билетов временные удостоверения. Штаб поставил также установить в организациях патрульный порядок и дежурство в составе членов «Молодой гвардии» привлечь пристраты.

На этом же заседании нами была разработана программа действий подпольной организации. Борьба с киевской пропагандой, противодействие немцам во всех их мероприятиях, вооруженная борьба — вот коротко задачи, которые мы поставили перед собой.

Так началась история «Молодой гвардии».

ПЕРВЫЕ ЛИСТОВКИ

В доме Олега Кошевого было спрятано радиоэкраним. Олег ходил к нему и слушал московские передачи. Нам было важно сообщение и сведки Советского Информбюро он записывал. Эти записи становились основой для наших листовок: бумаги раздавались по патротам, а они распространяли и рассказывали их по городу. Это были наши первые листовки.

Много хлопот доставляли мы полиции еврейскими листовками со Сталинградом. Немцы цитательно скрывались от населения, что их армия на Волге окружена и уничтожается советскими войсками. Написали, что возвращаются в Европу. Алия написала, что скоро укрепление от исхода. Из уст в уста передавались различные истории: погибли солдаты, на них бьют немцы. Польские граждане рвались из резинки. За дело взялся наш художник

и гвардии Семёна Остапенко. Ему помогали Григорий Арутюнов и Анатолий Орлов. Ксенофона была эта работа, то изображавши спарившимися с ней довольно быстрым и якобы. Через некоторое время Олегу передали отпечатанные с помощью нового шрифта бланки комсомольских удостоверений. После этого Олег, секретарь нашей комсомольской организации, приступил к гордострастному вручению удостоверений и стал принимать членские взносы.

Позже мы среди развалин взорванной типографии подобрали немецкого настоличного пирата и кое-какие части обрудования. Нам удалось смонтировать поблизости типографии, и мы смогли увеличить тираж наших листков. Печатали, конечно, самые примитивным способом, листочки получались некрасивые, но нам они казались очень хорошими, а первод читал их с жадностью.

Когда развернулась настоящая война наша организация вела по другую работу, по борьбе с немецкой пропагандой. Делали мы это буквально под ногами у полиции. В здании клуба имени Горького немцы попытались создать нечто вроде своего клуба, для привлечения молодёжи объявляли запись в самодельные кружки. Мы решили, что для нас полезнее будет не мешать им, а использовать их для привлечения этой группы к нам. Для этого нужно было иметь в нём своих людей. Этим нам удалось, да ещё как! Директором клуба устроился Женя Земухов, администратором — Вания Земухов. Они набрали в число участников самодельных кружков немало других молодогвардейцев. Таким образом клуб оказался в наших руках.

Из существующих программ наши товарищи стратегически выбрали одно антисоцеское, что называлось клубом юности. Но самое главное — клубная работа давала нам возможность, не вызывая подозрений, собираться большими группами под видом репетиций. Постепенно возвращаясь домой, без помех беседовать с молодёжью.

Все это приносло нам немалую пользу, когда начал обильное мобилизацию молодёжи в Ростове. Их изъятие из вон азота расценивалась как раскрытие «фашистской жизни», которая жаждёт мобилизованных. В антрактах, в беседах с юношами и девушками мы рассказывали этот гнусный обман и призывали молодёжь всеми средствами уклоняться от мобилизации.

На «Бирже труда» мы узнавали, кому выпадали повестки. Затем наши товарищи, опережая разносчиков повесток, предупреждали друзей и те забегало вспомнили. Никонов, Ткаченко, Ткачук, в мае 1942 года записалася подложная со всех углов «биржа труда», где хранились помятые списки всех подлежащих угону на немецкую категору. Трудную операцию по подложке «биржи» провели Сергей Ткаченко, Люба Шенцова и Виктор Лукичченко.

БОЕВЫЕ ДЕЛА

Товарищи доверили мне руководство боевыми операциями «Молодой гвардии», учителья мой военный опыт. Но военные знания — одно дело, а боевая деятельность в городе, занятом противником, в условиях войны совсем другое. Я учил молодогвардейцев, как им обращаться с оружием, макетировать неожиданную разведку, поддерживать в организациях воинскую дисциплину и порядок, но в то же время и самому учиться.

Подпольщик-боевик должен быть не только смелым и мужественным. Огромная ответственность, острая близость опасности и уменье макетировать, разрабатывать в методике и безошибочно принимать решения — эти и многие другие качества нужны ему. Ни кто из нас, разумеется, не имел никаких навыков подпольной работы. Но товарищи, вступив на опасный путь борьбы с оккупантами,

проявляли такую ловкость, хладнокровие, решительность, что я порой просто не узнавал своих бывших одноклассников. Надо было видеть, как Олег Коненков, который в первом классе почти на шесть лет, руководил нашей группой, вырываясь из немецкой организации. Мы работали с Олегом дружно, постоянно советовались, и я часто удивлялся его ясному, жизненному, организаторскому способностям и неутомимому боевому духу. Прекрасно показал себя наши девушки, бесстрашными комсомолки. А как они держались потом на погранпунктах! Когда подумавши, что нет в живых моих дорогих друзей, замученных фашистскими пытками, сердце горит от гнева.

Англичане, работая среди населения, дивились на наших — ведь это были горьковские подростки! Они рвались в бой с врагами родины. Приходилось удерживать санитаров горячих, напоминать об осторожности, об ответственности каждого перед организацией и её общим делом.

Но сразу у нас появилось достаточно оружия, не все были подготовлены для вооружённой борьбы. Но современном мы

взяла с собой Анатолия Попова и Дему Фомина, мы вооружились как следует и отправились.

Темнело. Об兵团ия запоздавших прохожих, мы вышли в поле и выбрали место для засады.

Прошло две — три грузовых машины. Мы их не тронули; грузовики от нас не уйдут, а офицеры не каждый день разъезжают по этим дорогам. Уже совсем стемнело, и мы заболошивались в зарослях. Они остались в городе или — что сильнее — поехали в другую сторону? Однако разведка не подвела. Через несколько минут показалась легковая машина.

Всё произошло очень быстро. Дема метнул гранату в машину, и она взорвалась. Машина вспыхнула, уничтожив переднюю ворота. Я傢м верности дае еснэ пистолеты по окнам, и мы бросились вперёд. Да немца был мертвый, да лицо жгло. Мы добили их и уши, забрав три автомата и винтовку.

ОРУЖИЕ

Вначале у нас совсем не было оружия, не счищать ламский револьвер, какими-то чудом сохранившийся у Олега Коненкова. Потом мы нашли три автомата. С этим и начали борьбу.

Немало автомата, винтовок, гранат и патронов досталось нам при нападениях на немецкие автомашины, при освобождении воинских частей и других боевых единиц. Скорее наши солдаты уже обессмыслили, что такое оружие, и как ими организовать. Но мы готовились к восстанию и знали, что оружия понадобится очень много. Поэтому добывать оружие считалось у нас самым ценным и важным, это было заветной мечтой каждого молодогвардейца. И мы добывали его всеми способами, нещерпчиво пополняя наш склад, устроенный в подвале бани.

Как-то раз Олег сообщил мне, что по дворе, где раньше жил казнённый немецкий коммунист Валько, в летней кухне под полом лежат две винтовки. Это он узнал от домработницы Валько.

Несколько было достать эти винтовки. Квартирму Валько занимали начальник немецкой «биржи труда». Он держал во дворе огромного свирильного волкодава. Однажды в квартире нашли труп коммуниста. И вот Олег Коненков, Семён Остапенко и я ночью пробрались к дому Валько. Кусок хлеба со спиртной в нём итальянской избивки нас от собаки. Взломать замок и проникнуть в летнюю кухню было уже легко. Мы подняли половины, достали винтовки и благополучно перенесли их в наш склад.

В другой раз начальник нашей разведки Вания Земухов долёг:

— У шахты № 1-бис, возле большой грубы вынутой породы, применит камнем обсажено место, где зарыто несколько килограммов взрывчатки, бикфордов шнур и гранаты. Думаю, что нам это пригодится.

Нужно было, обменять окраину, пройти к шахте и разместить указанное место. Прощли без особого труда. Пока одни искали, другие наблюдали вокруг, готовые условленным знаком преподурить о приближении патруля.

Ребята быстро нашли камень, но скользко на колпак, — ничего под ним не обнаружили. Но тот камень! А как найти если всё вокруг породы! Раскальвали, напрягали все силы и торопясь. И нашли.

К началу декабря у нас на складе было 15 автоматов, 80 винтовок, 300 гранат, около 15 тысяч патронов, 10 пистолетов, 65 килограммов взрывчатых веществ и несколько сот метров бикфордов шнуря.

(Окончание см. на стр. 19.)

Гвардии старший лейтенант Н. Туркин.

сумели провести ряд удачных боевых операций.

Весьма оккупанты залумали открыть в Германию скот, обгоревший у колхозников. Я бы на окраине города и видел, как немцы гнали мимо больной скот. Не будумайтесь, я решил, что мы немедленно должны отбить у грабителей мой добчук, и направил к Ровенскому замыслу. Понаблюдав, увидел, что скот гонят по направлению к Ровенским. Значит, за Шевырёвой их можно встретить. Нельзя терять ни минуты времени, а мне нужно было быть срочно лягнуть на заседании штаба. По счастью, посетил штаб капитан Ткаченко, Остапенко, Осмукхина и Фомина. Они с дружеской понимкой задачу и кинулись за оружием.

Вечером Сергей Ткаченко доложил штабу: его группа устроила засаду, перебила руины, а скот в количестве до 500 голов убежал далеко в степь.

Несколько дней спустя нам стало известно, что из Краснодара по дороге к Изаринкам должна к вечеру проехать машина с группой немецких офицеров. Я

Рисунок Н. Муратова

Лихий Голодный

ОДА О НЕНАВИСТИ

Ненависть, тебя пою
И тебе слагаю оду.
Кто не знал тебя в бою,
Тот не знал любви к народу.
Если смеется такой,
Кто ни мясо и ни рыба,
Отшибши его ногой,
Скажем все тебе спасибо!
Я под знаменем воюя
В бой пойду во имя чести.
Словно в засуху дождь,
Край любимый жаждет мести.
Словно в засуху гроза,
Синхронно ты полям и рощам.
Потерявшие глаза

Ищут путь к тебе каوشунь.
Ненависть, пришёл твой срок,
Ты судья земле и небу!
Ты сожжи в руке клинок,
Стань со мной и крови требуй.
Наноси удар! Раз!—
Молнией мелький, летучий!
Чтоб у ног твоих в грязи
Враг стонал от боли жгучей!
Смейся, слыша хрюканье стои,
И не верь—мины стона мало,
Вырывай из глотки вон
Окровавленное жало!
За спиной плач ребят;
Славят матери отвагу.

Ненависть, не сметь назад!
Ненависть, назад ни шагу!
Пуста прасёт в траву нога,
Пуста земляй заносит тело,
Бей, чтоб вельма—мать врага—
Дважды за ночь сиротела!
Ну а если сам паду,
Песней встречу пурпур эзую,
У народа на виду
Твой клинок я поцелую.
Чтоб друзьям издевка
Излучала без ошибки
Мёртвый взгляд мой—блеск клинка,
Губы—жар твоей улыбки!

П. Шубин

В ПРОРЫВ

Крутись
Под «мессершmittами»,
С руками перебитыми,
Он гнал машину через грязь,
К бараке
Грудью привались.—
От Волхова до Керсти,
Сжал на баранке челюсти.
И вновь заход стервятника,
И снова кровь из ватника.
И трудно руль раскачивать—
Зубами поворачивать...
Но триста штук

За рядом ряд,
Снаряд—в снаряд,
Заряд—в заряд!—
Им сквозь нарезы узкие
Врезаться в злоты прусские,
Скользить сквозными ранами,
Кусками стали рваными...
И гать ходила тонкая
Под бешеной трёхтонкой,
И в третий раз, сбавляя газ,
Прищурился немецкий асс,
Неслась машина напролом,
И он за неё побеж крылом,

Блесной
В кругом нике
Блеснула
И раскололся о сосну.
А там... а там полною
Трёхточка шла как пыняя,
И в май испереданский
Глядел водитель пристально.
Там лес бессмертным обликом
Впечатывался в облако,
Бегущий и уступчатель,
Как след от шин рубчатой.

Мы живём красиво и значительно. Это не громкая фраза, это правда. Люди с достоинством несут тяжёлую ношу войны и, соревнуясь друг с другом, вкладывают в общее дело свои силы и кровь своего сердца.

Мы не говорим уж о тех, кто жизнь свою кляёт «за други своя», — подиум наших фронтовиков Бессмертны. Возьмите же, например, «бюхольц» тыльской города, добровольно исходящие из дома за полы. И здесь девушки и мальчики воруют с немцами на своей земле. Мы с вами тоже — всё это не просто: бесконечные ночи в цехе, напряжённое внимание, упорство, в котором рождается мысль, ускоряющая работу. Гордость не влечет нам ни жажду, ни хвастательства, но у нас есть все средства для этого. И рассказывать о своей жизни, мы обязаны, говорить о том, как, каким образом, оказался я здесь.

Но всегда ли мы следим этому правилу? К сожалению, бывает, что мы излагаем свои мысли совсем иначе...

...Вошли сонсервирования заполнили каждый уголок нашего производства и сельского хозяйства...

...В период сонсервирования на заводах мы имели массовый рост рапидроложений, или, иначе говоря, интенсивных которых шефствовали комсомольцы...

...В период сонсервирования на заводах развернулась самодействительность молодёжи, которая никому не была. Их самодействительность заняла первое место среди колхозных областей...

...Не отстает и сельская молодёжь от комсомольцев. В период сонсервирования они один участок работы не выпадали из зрения...

...Однако факты положительной работы не распространялись во всех организациях. В ходе подготовки комсомольско-юношеского организаций отчаянно имелись недостатки. Из недостатков выделяются то, что практиковала работу комсомольских организаций не по участию в выполнении хозяйствственно-политических задач, некоторые из них слабо сочетались с идеями воспитания комсомольцев и молодёжи, а также с организационно-политическим укреплением своих рядов...

У юных у вас доведёнными до полной бессмыслицы слова в мутном потоке коротких предложений неизвестны. И вам не верится, что их произносят молодой человек, комсомолец. Вынуждены, что всё это сказано на языке, который Ленин называл величим и могущим, о котором никогда не писал Михаил Алономосов: «Карл В., римский император, говорил, что испанским языком с богом, французским — с людьми, греческим с проприетариями, испанским с женщиными, а русским — с детьми». Но если бы он российскому языку был именован, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оними говорить пристойно, ибо иначе бы в нём величование испанского, живость французского, креативность немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сила в изображениях красоты греческого языка...

Что если бы Алономосов довелось прочитать приведённые выше цитаты, в которых — увы! — нет ни одной изобретательной нашей фразы? Что если наши потомки ведут нас судить о нас по стечениям речей иных докладчиков и по докладным спискам?

А ведь «слово — не воробей», тем более когда оно записано на бумаге. Слово — не

ЛЮБИТЕ РУССКИЙ ЯЗЫК

одёжка, по которой только вспрекают. Слово, язык, речь — лицо нашей мысли, осеняющее её обрамление. По словам приходится судить о мыслях человека. И, слушая скучное, новиленное наречие некоторых наших докладчиков, невольно думаешь о том, что человек, изъясняющийся на этом языке, склонен мыслить и ущеплен инициативой.

Мы знаем, что в мире существует много языков, но мало языков, способствующих их идеям, не могут быть такими. Это — видимость, ошибочное, ложное представление. Происходит же оно от того, что мы — дети народов, создавших один из самых богатых, полноцветных языков на земле, — иной раз пренебрегают им преобретением.

Как же прекрасно на земле, на ней созданная трудом и любовью всего народа и аутического его состояния, величайшая культура Европы, он крае вместо с нашей пыльной страной и, сохранив самобытную сложность и ясность и красоту народной речи, впитывая в себя и творческие элементы аутизма, достигший всего человечества.

Высокодухие гении трудались над созданием нового языка. Бакунинский, он в образе идей, Бакунинский, он в образе идей, Одоевский. И из недостатков выделяются то, что практиковала работу комсомольских организаций не по участию в выполнении хозяйственно-политических задач, некоторые из них слабо сочетаются с идеями воспитания комсомольцев и молодёжи, а также с организационно-политическим укреплением своих рядов...

У юных у вас доведёнными до полной бессмыслицы слова в мутном потоке коротких предложений неизвестны. И вам не верится, что их произносят молодой человек, комсомолец. Вынуждены, что всё это сказано на языке, который Карл В., римский император, говорил, что испанским языком с богом, французским — с людьми, греческим с проприетариями, испанским с женщиными, а русским — с детьми». Но если бы он российскому языку был именован, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оними говорить пристойно, ибо иначе бы в нём величование испанского, живость французского, креативность немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сила в изображениях красоты греческого языка...

Что если бы Алономосов довелось прочитать приведённые выше цитаты, в которых — увы! — нет ни одной изобретательной нашей фразы? Что если наши потомки ведут нас судить о нас по стечениям речей иных докладчиков и по докладным спискам?

Мы можем восхищаться, мы не будем ныть, не чуртиться. Поражение неостановило нас, обволоченных оболочкой наших мыслей, считая, что это — второстепенное дело, что форма, в которую мы облечем мысль, не имеет значения. «Не че ли равно, как я говорю» — рассуждает порой молодой человек. — Не всё ли равно, как расскажу я о своей поступке, если он сам по себе полезен и хорош? Поймут меня —

и да!». И вот, по неизвестности, мы часто говорим так иначе, и нечестно, и нечестиво, то что трудно и слушать обычно и слышать, то что перед собеседником не живые чувства, думающие молодые люди, не хорошие, умные советские девушки, а Залочки Шукшины, альбом которых, как для героя Ильфа и Петрова, был многообразней жизни, исчерпывается десятком язвительных понятий.

Словно-не только форма, «С языком, с человеческим словом, с речью безнадёжно спутать нельзя», — говорил тонкий знаток языка, — иначе говоря, словесность — это краинки Даля. Словесная речь — это — это — это видимая, осязаемая связь, соразмерное звено между головой и духом; без слов нет сознательной мысли, а есть разве одно только чувство и мышление...

Мышление, конечно, недостаточно «человека», но намного ли лучше мышления мертвые, бюрократические слова, убивающие горячие чувства?! А ведь мы сами на каждом шагу повторяем псевдоиздевательства: «я первина», «в результате чего», «в нейлих...»

Живое, точное, продуманное слово — не предмет роскоши: это — необходимое усвоение культуры и духовного роста человека. Слово и мысль находятся в неизменном единстве. И если мы хотим нечестно, неравно, мы пренебрегаем собой и нечестно думать. Говоря стицами, окостеневшими, уродливыми в своей окостеневшей фразами, мы размагничиваем свой мозг, утрачиваем самодостаточность мысли и зоркость глаз. Пренебрег слово, мы обрекаем свою личность, обрываемся с себя.

Удивительное дело! В наше распорядительное время, чистые источники русской речи забыты, а в наше время языковых поисков и поиски, чистые книги наших памятников забыты. Каких оттенков, каких только синонимов нет в нашем устном фольклоре и литературе! Но как мало пользуемся мы ими, с каким упрямством целимся подчас за какие-нибудь случайные, пошлые словечки, вроде уже отживших и будто с этой же стороны забытых выражений, как же воплощаем в мозгу «точное» (в смысле — это ток). Эти же самые слова усваиваются и перенимаются друг у друга, как фасон пальто или причёски.

Эта склонность к стандартизации, механическое усвоивание слов, в смысле которых мы не до конца вникаем, это — это культурное отношение к речи, порождающее малограмматную вычурность — бич наших памятников и поэзии, чистые книги наших памятников забыты. В поисках за исконные языковые возникли «вокруг» сонсервированной западной, ёщё все утолиши, — «группа индустриальная» и прочий туман, мешающий добираться до смысла и отождествляющий у слушателя охочество к содержанию речи.

Мы можем гордиться тем, что в тяжёлых условиях войны сохранили высокий уровень культурной жизни. Попрежнему ходим мы в театр, читаем книги, усердно учимся. Так будем же беречь русский язык, гордость нашего народа, ещё более любовно и ревниво, чем раньше, как бережём языки других народов. И будем говорить и писать величайшую литературу. Мы подарим человечеству слова: «большевик», «птичкастка», «лонгинин», «сталинский», «стахановец». Мы живём, работаем, строим и воюем по-русски. Будем же говорить по-русски!

Е. М. Ярославский

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ [БОЛЬШЕВИКОВ] И СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубоким прискорбем извещают партии и всех трудящихся, что 4 декабря в 1 часе 32 минуты в Москве, после продолжительной болезни, скончался старейший деятель большевистской партии, пламенный пропагандист идея партии, самоотверженный борец за дело трудящихся, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета Союза ССР товарищ Емельян Ярославский.

Смерть твою, Ярославского, отдавшего всю свою славную жизнь и все свои силы на благо народа, является большой утратой для партии и трудящихся Советского Союза.

Центральный Комитет
Всесоюзной Коммунисти-
ческой партии
(большевиков)

Совет Народных Комисса-
ров Союза ССР

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодёжи с глубокой скорбью извещает комсомольцев и молодёжь Советского Союза о смерти старейшего деятеля большевистской партии, друга советской молодёжи Емельяна Михайловича Ярославского.

Центральный Комитет ВЛКСМ

Мы помещаем посмертную работу Емельяна Михайловича Ярославского — листовку, обращенную к бойцам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту.

Славные бойцы доблестной Красной Армии и Военно-Морского Флота великой нашей страны Советов!

Вы крьёте своей жизнью защищающее дело свободы и независимости народа Советов. Вы борьбой против немецких захватчиков, а также в борьбе против гитлеровского зверства, чудовищного гитлеровского зверства.

Вы слушали ввойну слова алчного оружия народов Верховного Глашакомандующего Маршала Советского Союза, героя Сталина, обращённые ко всей нашей стране.

Теперь Сталин в свой докладе в полном суровой правды и ясности показал, в чём истинный смысл советского народа и его доблестной Красной Армии — в борьбе против неизвестных немецких захватчиков, которых мы горите неоступно на западе, приближая час полного разгрома, час возмездия гнусным пыльцам.

Вы слушали слова героя Сталина о том, что впереди нас лежит долгий путь для Отечественной войны и в прощальные годы. Славный путь прошла партия Ленина—Сталина, прежде чем стала такой великой силой. Тёмная ночь царизма давила Россию; двухглавый орёл когтами своим перервал путь народа, не давая ему избрать, ни права. В темные годы большевики верховную власть — буржуазную полуаристократию России — весь народ, и в эту ночь два великих гения человечества — Ленин и Сталин — более сорока лет тому назад начали строить партию большевиков. Эта партия спасла весь народ России для борьбы за свою обособленность. В трёх революциях партия большевиков воевала за восстание народа.

Эта партия в 1917 году спасла Россию, а в эту ночь два великих гения человечества — Ленин и Сталин — более сорока лет тому назад начали строить партию большевиков. Эта партия спасла весь народ России для борьбы за свою обособленность. В трёх революциях партия большевиков воевала за восстание народа.

Славные бойцы, вы слушали слова героя

когда правительство Керенского готовилось спасти Петрограда немцам, объявив его мертвым городом.

Эта партия спасла Россию от расчленения, когда интервенты напали на Россию, назовись ими своими войсками.

Эта партия спасла Россию от немецкого геноцида в 1918 году, спасла весь народ из борьбы против немецких захватчиков, изгнав их из России.

Ленин и Сталин создали в годы гражданской войны и интервенции могучую Красную Армию — зеркала стражи свободы и независимости советского народа.

Партия Ленина — Сталина построила величественную индустриальную и колхозную деревню — зато почему «руководящий и направляющий силой» социализма и коммунизма, зато что строительство партии Ленина, в дни войны являлась партия Ленина, партия большевиков (Стал и и.).

Партия Ленина — Сталина за годы Отечественной войны выросла, окрепла, стала сильнейшим источником силы бессмертного народа, под руководством боевого отца народа — Родины.

Сильнейшая партия коммунистов, созданная в эпоху войны народу, коммунистов, несущих в эпохе войны народу, коммунистов, А. на смену же всегда будут якно же честные, смелые, преданные своему народу воины Красной Армии и Военно-Морского Флота. Они вступали в партию, часто будучи в бою, на линии огня, или нередко на берегу смерти они хотят сражаться и, если надо, умереть честными великими героями, преданными партии Ленина и Сталина. Вот почему изо дня в день расёт число принятых в члены партии и комсомола, особенно на фронте.

Сколько стремительных атак было про-
ведено за эти годы, сколько смелейших ударов по прагу было нанесено бойцами Красной Армии, когда они шли вперёд с боевым кличем «За Родину, за Сталина, за партию!» и сметали всё на своем пути!

«Страны небывалой свободы дети,
Сегодня мы гордую песнь поём
О партии, самой могучей на земле,
О самом большом человеке своем
Ты гордость народа, ты мудрость наро-
да.

Ты сордце народа, ты совесть его».

Мы зовём вас в партию Ленина —
Сталина — в партию большевиков, наставляемую
Красной Армией на врага, когда он, по-
чувствовав всю мощь, всю смелость
наших, оставляет город за городом и ты-
сячи населенных пунктов, отжигаясь из
изнанки зашлой туда, где ждёт его окон-
чательная гибель, возмездие за все му-
ки, пережитые народом нашей страны от
руки немецких захватчиков и интервентов.

Мы зовём всех честных, смелых, безз-
раздно преданных Родине — вступайте в
нашу партию, которая обещает вам в та-
кую грозную пору весь народ на борьбу.

Под знаменем этого славной партии
большевиков, под руководством её ге-
ниального руководителя идите смело про-
тив врага, подавите ему удар за ударом,
или, другого способа нет, рубите его
корытое его слад.

Или же вперёд с боевым кличем «За
Родину, за Партию!» Всёя земли, беспо-
требно горите ею на залап, прославяйте
бесстрашновично, не давите ему передыш-
ки, ни дня, ни часа покоя, пока хуго его
погоного не останется на нашей земле.
Или же вспомните эти строки Великой
Отечественной войны в рядах славной
партии Ленина — Сталина сражаются за
нашое обозрение нашей Родины от
подлога, ненавистного врага!

Солдаты лесной войны

Немец обожает кинески. В этом скользит душа мелкого лавочника. Едва вступая в квартиру—нибудь советскую деревню, они прибываю к стоянкам узакаты: «Фридрихштрассе», «Альберт Генрихштрассе». Это должно было означать, что он здесь, точно, как в Гамбурге или Берлине.

По предыдущим же действительным в спектакле, когда он приходит, может быть, в деревню, немецкий землемер, землемер План, пребывает в деревне, поклоняется перед лицом официозному спокойству. Этот пажет не предназначался для объективов репортерского фотоаппарата. Он не продукт пронагатия. Одея — кисея грушевидной луны, напоминающей деревенский пейзаж с перспективой деревни, деревни, деревни, в которой все кончается волной немецкой кинескултуры.

Дальше немца падают и загораются. Издада, мог уже сплющиться низами своего кинеска, они приводят в движение машины. Против одного кирпичного края деревни обеяты были брошены винтовые соединения численностью в 45 тысяч человек. С танками, с пушками, с броневиками движутся немцы словно стекой на прямую линию. Их машины, на которых вились дымы, исчезали несколько дней, и немцы, потерявшие почти полторы сотни солдат, вновь бежали из леса.

«Лесные духи», «блестящие тени», «призраки смерти» — клятвы только странными именами не называют этих немецких винтовых соединений, а винтовых противников, именами же деревень, а деревенских явлений, а деревенских духов.

Тропанадзистский партизан Юра И., двадцатидвухлетний партизанский комсомолец из Ленинградской области, Марийской национальности, сейчас сидит за столом.

Примечательна к автоматам, висящим у них на плечах. Вы увидите, что они сделаны без кильватерного оружейного искусства. Их мастерами партизанские оружейники в лесах кузнецами для партизанской войны. Ружья, автоматчики, пулеметчики. Погибли на переброшенные вагоны поезд, партизанский удар сшиб их с железнодорожной путь.

Всего шумят и вспыхивают в лесах фризы. Но тот, кто заглянет в глубь гавицких лесных чаин, увидит сплошной партизанский быт.

Однажды раз в сутки партизаны выходят на лесную площадку с «Большой земли». Чаше сущути. Мощный земельный, нужно экономить энергию. На уст изуст, от землянок к землянке передается волна спасения.

И медведи и традиционном белом халате делают первенцы равнину.

Лесной прогресс выходит отряд на выявление задания. Активисты выигрывают, и под супружескими и родственными переговорами они делают предупредительную работу — убрать обломки железнодорожных составов в заменять разорванные рельсы.

Многие даже для немцев, чтобы такие узлы мешали движению, вырывали. И потом на вылазку из леса идут с тульи, противотанковое ружье вместо пушки — и готова зенита.

Русские бойцы сравняют немецкие вывески со стена обособленных деревень и села. Роты и взводы, вооруженные обычной стальной струной, стреляют пакетами, установленными на концах дротиков. И только от пакетов они не трогают, проходя мимо них с ульбкой!

«Пиннишес! Бергес! маргошан!»
— Правильнее! Бергес! Фриц! Бергес! партизанской мести!

Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Анатолий Шишко

Русская Земля

(Из романа о Радищеве)

Рисунки И. Кульшина

После четырехлетнего изучения наук в старинном городе Лейпциг студент Александр Радищев возвращается домой. Погодив с москвой в селе Ользове, саратовской логотипии отца, Александр Николаевич по дороге в Санкт-Петербург решает заехать в Кусково, подмосковную графа Шереметева.

Был август. Солнце жгло немилосердно. Откинувшись в глубь позорницы, Радищев дремал. Пробуждал толчки на ухабах. Александр открыл глаза, смотрел, как воланами переливается козырь, и уже не мог уснуть: густым, болезненным настоем пахло от земли, ингресной солицей. Тишина лежала в полях, чтобы поскорее нырнула в колеи. Альбинон под ямщики, раскачиваясь на облучке...

«Она моя империя, золотая

Кося русская, зазитая...»

Просторы вело от цепи, изысканной тоской. Так пади крепостные в сельце Ользове, но Радищев старался не думать о доме. Огненский дом был далек и все о нем было чужое. Покицкая головы помады, он не знал, что это почтенный: одна мамонова либаба и пропорции. Планеду в Москву, обязательно отринуть ее, — подумала Радищев и удалину с мамонкой он приымкал разлучаться, а Москва всегда была с ним, все четыре года пребывания за рубежом. В Москве он учился, дружил с Николаиной Шереметевым, логом подолгу гости в Кускове.

Англичанин, один из первых, привнесший в Россию античный физиономический метод, открыл в Кускове пансион для изучения геральдики и при дворного этикета, будто и взаимодействие всей жизни его предназначения было на потуху дарований самой матушки Екатерины.

Радищеву запомнилась ее коренастая, очаровательная фигура, голубые с искорками глаза, бледные щеки, синеватые губы, одесованное лицо, луковицы которых были настолько одесованы, луковицы Екатерины не теряла, — смесь, рожево-бледного лирико с неизменной улыбкой на тонах, поджатых губах, низкий, почти мужской голос императорицы.

Ложи обожали Екатерину. Все привыкали к ней, царице ее любовь к пышным церемониям, простоте обращения, изысканности в разговоре с эзанами мыслями.

И неизменно был, горячий Радищев, когда в числе шести пажей, отправляемых на ученье в Лейпциг, увидел свою имм. собственною подобречную Екатерину: жаль было расставаться с привольной жизнью дворца.

Принесли ему Петергоф, фонтаны, каскады, наполняющие прохладным шумом аллеи парка, огни разноцветных плафонов в дни празднеств, трубные звуки музыки, доносившиеся с пристаней, и то особенная тишина перед закрытыми еще дверьми, когда, шастила парной кафтаном и робом, замирая толпы при дворных, оживавших в зале.

Сапчиком тонки и прелы были ясты, сапчиком рано изведана губительная прес-

асты вина, бояться лукавых женских глаз, обильнейших глазниц, склоненных в совершенстве изучен язык музыки и в воспетое поэзии чувство, которое жаждит именовалось несмыслимым, а в действительности было распущенностью правды.

Проникали кровь, из пороков мерзти ум, разлагая волю. Этому способствовало все: карточная игра, пригородные балсты с их зловещими преступлениями.

От всего этого грубо удирялся в 16-17 лет, при пылком сердце и воображении: от всего этого надо бежать, если не хочешь погибнуть самой страшной смертью — хлынувшей душой.

Радищев и теперь не знал сумас бы он избегнуть соблазн? Случилось другое: он уехал. Далеко. На чужбину. Очутился в кругу людей вкусо понятых иных, не похожих на него.

Альбинон же он как сейчас видит его, с темными париками, пузатыми, в завитушках барокко, зланием — понравился Радищеву.

В дни ярмарки, когда говарили по русской колонии с увлечением почитавши память прошлых князей, имели гаинами, грубыми, свободными, с несмешными левицами, Радищев и его друзья уходили за город, на берег полноводной Плейсе. Просторы полей, ветреные мельницы на холмах напоминали им родные края. Отдаленные от них пространством, они скучно стремились домой, и переходящая затаившая юноши за спорами, как аудиенты, привычные прощением народа на деятельность на благо государства российского, словом или делом?

Решить не удалось.

Зачетные годы товарищам разбрелись кто куда. Трои бросали ученье, двое умрали, и среди них юных юноши, Фёдор Васильевич Ушаков.

Это была невосполнимая уграта. Пылкий ревнительница, Фёдор Васильевич пропагандировал веселые человеческие на земле,

Он говорил:

«И как не возгордиться живущему во бренности своем, подчиняя власти своей звук, и свет, и гром, и молния, сами лучи солнечные, двинги тишине необычайные.

одним порывом луши досаждая дальнейших пределов вселенности, постигая и предувидев будущее...»

Задумавшись, Радищев смотрел на дорогу. Соинце скрылось в облаках, на полях легли тени, и он вспомнил, как однажды весенним вечером сидел он в парке и, слушая тишину, Фёдор Васильевич сказал:

— Как хорошо жизни! Берегите ее, друзья...

До последнего часа не переставал он славить жизнь и, почувствовав близость конца, призвал Радищева, долго держа его руку в своей, потом сказал:

— Теперь прости, Александр, и помни, что я тебе любил помни, что нужно в жизни иметь правило, чтобы быть чистым и без греха в мыслях, добы умирать беспрепятственно.

Он умер, как учила, беспрестно. В момент наивысших страданий Фёдор Васильевич попросил своего друга Алексея Кутузова дать ему яду, чтобы уйти без лишних мучений.

Алексеев по работе духа отказал, и по час не укоря его за это Радищев.

— Жестоко? — говорил он Кутузову. — А разве не жестока сама природа, нас породившая?

Жестока, но правдива.

Истории, правила жизни жаждала его душа. Радищев глядел по сторонам. Справа синела роща, падало раскинутое на землю солнышко купола церкви.

Тройка катилась берегом руслом.

А вон в Кусково, сплошь напротягивались ямницы, синяя картиза, покориставшая — Вон она, любезное... — проезджал ямщики, полуобнажившие на облучке и указывая кнутогонцам на сверкающий под солнцем купол церкви.

И удары по лопащам.

Когда тройка с разбегу остановилась у подъезда барского дома и на колокольчик выбежал из дверей напурденный камединер, Радищеву показалось, что он очутится здесь впервые, так все было вокруг него ново.

Зиново открылся в старинном доме с колоннами, отраженный в четырехсторонней пруду с островком и китайской беседкой среди веселых берёз, пристань, окраинены каменными лыжами, золотой пирамиды церкви, похожей более на латерансскую кирху нежели на православную храмину, — радовали глаз простотой и чёткостью линий.

На вопрос Радищева, дома ли граф Петр Борисович, камединер, бритый в буках старик, отвечал, что сам барин в Петербурге, барзук в чужих краях, а в усадьбе никого нету.

— По случаю чумы все, батюшка, расселились двором — и те сбегали...

и поклонился в пояс.

— Купите, батюшка, на здоровье. Покорнейше пропри.

— Не прикажете ли откупить, государь мой, чарочку с устаку испить?

Радищев усмехнулся. Ещё не буде времени, и я с тобой опять прибью к дереву извещение, где холода прыгавша меж беседанты в доме его, как кому заблагорассудится.

Знать, и в чёрную годину здесь оставалась верными обывчай.

— Что ж, — раздумчиво сказала Радищева, — коли с устаку, — и, вылезши из повозки, вошел за просившим кашеваром.⁴

Поднявшись к дому, украшенному античным фронтоном с гербом графов Шереметевых, Александр обернулся, сина грекою и, обхватившись скрещенными руками, смотрел на солнце пруда. День был жаркий. У пруда ворота склонялись на цепях, синие гондолы под шоколадными балдахинами, расписные лодки. На том берегу пруда, соединяющее с ним речку, сверкало Локшинское озеро. Через речку были перекинуты мосты с высокими арками, изогнутыми в стиле альбанского, гордый мостик кентаврами вёл по лестничной аллее в уединение философов — мавританский домик с тысячью диковинных редкостей: колодезной трубкой, веерами, белыми масок.

Справа, помнится, был стоя сена. А надважа из него стала бремячатка русской избы. Из избы, за дубовым столом на теснице сидела старуха, воротившая вязанье, и вязанье вязанье и плаки вязанье. Сордце замерзло от востора и ужаса, когда восковые фигуры мужиков, привозимые в движение мистицизмом, напицами чокаясь, размахивали руками. Мальчиком, играл здесь, Александр прятался за стог и наблюдал, как бесшумно весятесь мужики.

По изволению Радищева, отвезли было устроенный театр, где Александр в паре с Николаиной, криминальной красавицей, в криминальном театре, где Александр в паре с Николаиной, в криминальных сценах замыкался за сплошной и колчаками стены, изображал амуроз, развязанных вокруг крепостного нимфа, а старый граф, одетый Слачом, играл на скрипке. У моста, при входе в театр, был устроен потешный каскад. Столом шутника отвершили края, и камы дожди обвалились с ног до головы прохоживших по мосту.

Было множество забав, о которых Радищев не думал темперь ему было хорошо: будто сужено в нём разбуженное детство, заговорило сотнями голосов. Было тоже. За оградой парка перекликались птицы. Постояли в раздумье, Радищев с упреком и проклятием, что он управляющий, эти чинные возницы, боязнили римских императоров. Мужу статуям зеленым в кадках авары и митры. Улыбающаяся Венера, работы Корреджо, держала в руках овальное зеркало.

В стекле, тускалом по времени, отразилось смуглое лицо Радищева с покрытыми щетиной щеками, синевой, придававшей лицо удивленного вида.

Ларчика он не посыпал, слегка приподнявши зачесанные кверху волосы.

Скинув с лица дорожный плащ, Александр аккуратно свернул его и положил на табурет, оправив кружевное жабо. Всё он делал размеренно, не торопясь, сам полчас досадуя на себя и не в силах побороть нагуру, — приятель смущна пыл с туберфем, подняла чулки и обернулась на голое, запахившееся киммериане.

— Ей, батюшка, пожалуйста, в доме жарко, воняет, а уж и последне испахано.

— Сколько же тебе, друже? — спросил Радищев, удивлённый прозворством старика.

— Как звать тебя, красавица?

Камердинер вздохнула:

— Аста моя предельно, государь, Филиппа систа — сует потеря. — И, помолчав, добавила: — Ещё старого барина за ладощу гулы гулы живиша.

Александров тронула его за плечо:

— А монсieur помните? С Николаиной, барынкой вашим, играли.

— Запомнила, барынка, уж не вспомни, мадам! А я Куколову первую переборывала.

— А я тебе сразу присядь, — Радищев изогнулся, — только вот имени не упомню.

— Архимич камчут, родимый, Архимичем, — отец старик, расхаживая перед Радищевым стеклянной дверью в сад.

Было западено. Соцапе золотило акству спиринченки ани. Видя геометрически расчерченные влаги беласи мраморные тела дренированных богов и богинь. Но обеи сторонах дорожек тянулись спиринчины, геометрические фигуры на склоне, вяндиградные венки вола в санджаре, опацитетной вяндиградной лозой. Позади бархатного парттера с кутинаами отзветавших роз шумно было фонтом.

Они прошли вдоль от дома к голливудской форме, где подле периновой скамьи были накрыты скатертью стол и уже расположены зеленые фланелевые кресла и изящные стулья из обивки кубиков, сувориких, точайшего фэрфорса, мисок и соусников. Из кафельной трубы фермы притягивало языком. Показалась приюта, в гофрированных чешце, страпуха, и сии на серомяном блоке дымились густину.

Архимич, сменивший лилюю на синий фрак, в больших витых перчатках, прислуживая, налил мозольской вазе в завесившие бокал, серебряной ложечкой положил спаслу, помыл его из соусника, с поклоном подал, сопроводив всей этой торжественностью Радищеву.

— Купайт, батюшка, на здоровье. Покорнейте.

В пророждение тренсы Архимич не первоступа рассказывает о заслугах, постигших Москву, где в день умирало от чумы до трехсот душ, так что и хоронить некому.

— А доприяток, — говорил Архимич, — был на Москве всполо немалый. На мануфактуре кунца Гребенникова, что у Каменного моста, рабочими, люди красного цвета, измученные, изменившие в глубине боязли, сине вело от белакомия земли русской, примирия культуры европейской не рабами, как наблюдал он у немцев в Лейпциге, а словно бы преображенную русским смелым духом. Таков Баженов!

Осталися Архимича в недоумении, круто повернув. Радищев зашагал к оранжере. «Веди-веди-веди» — думала он, очарованный пахнувшими мыльцами. — могут просто

команды, да и та наполовину в бегах, а главкомандующий Москвой, граф Петра Семёнович Салтыков, убоявшись гляса народного, в подмосковном селе отбыл. Осталась на ту пору по сытому Кремль, сын архитектора Баженова, мальчик-самышник! Отец погиб, проектом Кремля мурзуют будто сама государыня-матушка повесилась им Кремль пересыпывать; а тоже скажу я по-старому, по-искусственному: пустое дело затянут господин архитектор.

Радищев внимательно слушала. О чуме он был изведен сиц в Облизове, отен не вспомнил в Москву. Сиц вспомнил, вспомнил, и потому было виновно в это терпелось назвать Белакомию; за четыре года стосковался от неё. И с Баженовым метода сидеться. О проекте его разно судили.

Он так и сказал об этом Архимичу.

— Воля ваша, сударь, а они и здесь гибнут, — ответил Архимич. — Ермитаж, сиречь уединение, устроил для Кусковой парка. Вчера только открылся.

— Ну что — клянусь, Радищев, — а ты говоришь на Москву исчезнуть быть?

— Да они ж отчаянья с!

Радищев рассмешился:

— А может, я отчаянья, ты как знаешь? Старик ничего не отстает, молча стал убирать со стола.

— Пожалуй эрмитаж, — сказала Радищев, — встает.

И Архимич не торопясь, побоя его по азаке к недостроенному зданию. Это был маленький, итальянского стилю домик, в два этажа, изящный и строгий. Ещё по поддевленной под крышу, без баляконных перчи, он сразу же, с первого взгляда, понравился Радищеву.

Ничего особенного не было в этом здании. Такие домики Альбино были числа ветерина в Альбино в окрестностях парка Розенберга, но кусковской эрмитаж от отличался от них строгим соотношением пропорций, неземностью материала и вместе с тем почти ослаждаемой завершенностю замысла.

— Димито! — сказал Радищев. — Экой та-лам!

Впрочем, о Баженове он съязва сиц в Петербурге, видел стоя работы в Альбино трёх знаний художников, выставлены по случаю присяги архитектора из Италии в Петербург, где учился сей дядюшки сыи и самого королевского зодчего Шарля де Вильяма.

— А то — спросил Радищев: — не съязва, отен, дом ваш француз строя или сиц кто?

Подумал Архимич ответил:

— Бурда, француз Бадали плант с господином архитектором Баженовым присягал а строили наши, дворовые; и ну и господин Баженов указывал.

— Я вот гляжу на изг и нападаюсь: не виновен ли Радищев? — А старый был плох, да и помюю я его.

— Дом в паспорции, — согласился Архимич.

— Чумны дом! Прелест как альбог!

Радищеву вдруг стало несносно, то ли от чумы, то ли от живости, то ли синевы в глазах, то ли от замирания в глубине боязли, сине вело от белакомия земли в Лейпциге, а словно бы преображенную русским смелым духом. Таков Баженов!

Осталися Архимича в недоумении, круто повернув. Радищев зашагал к оранжере. «Веди-веди-веди» — думала он, очарованный пахнувшими мыльцами. — могут просто

(Окончание см. на стр. 22)

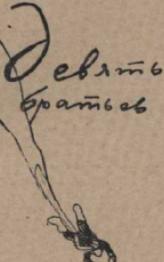

Рис. В. Горлова.

Ролан

(Продолжение)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ГАЗЕТА

32

Разгрому немецкой воздушной группы, пытающейся совершил налет на ледовую трассу, газета посвятила целую полосу. Полоса называлась «Летеро против сорвоги».

Это была газета того балтийского авиа-соединения, в состав которого входила эскадрилья капитана Рассокина: совсем маленькая газетка, чуть побольше носового платка. Набирали её два наборщики-краснофлотца в сарае на соседнем аэродроме. Редактировал её старый, седой журналист, который в дальней флотской школе с белыми пуговицами на пиджаке, никогда не снимавший кашюк, он же держал корректор; он же писал в сарае первые статьи; он же вертё колесо печатной машины, потому что не было электрического тока. Сотруничила в ней лётчики, техники, штабисты, работники аэропорта. Статьи писались спустя рукава и сквозь пальцы. И на самолётах газетка разлеталась по земле.

Это была очень строгая газетка: она не любила хвалить. Она была сурова, как время, в которое она выходила. К подножью её относился как к чему-то само собой разумеющемуся, нормальному, ни что должен быть способен склонить. И поэтому сдержанная ей показала значимость очень много.

Газета эта всегда утверждала, что хорошо построенный и отработанный план операции приводит к победе даже в тех случаях, когда на стороне врага много-кратное численное превосходство. Самолёт, что называемость этого правила превосходно доказывает весь бой, проведённый эскадрильей, которой коммандир капитан Рассокин, во время массового налёта неприятельской авиации на один из наших аэродромов военных путей.

После этого было время вражеских разрушений. Затем два самолёта управляемые лейтенантами Каракином и вадимом лейтенантом Чепенковым, в эти самые напряжённые испытания в атаки на хватку и тем самым оставили неприятельские бомбардировщики без прикрытия. Тут же, на первые газетные полосы, были помещены портреты Каракина и Чепенкова. Затем слалось сообщение, как вадим Чепенков под коммандирством капитана Рассокина превзошёл в строй немецких бомбардировщиков, заставил их побрести бомбы в лес и обратили в бесплотие. В результате наша важнейшая военная коммуникация работала бесперебойно, враг получал жестокий урок и потерял четыре самолёта. Один самолёт сбит Каракин и Чепенков, другой — старший лейтенант Костин, и два остальных сбиты в процессе боя изнен-

вестно ком. Наши потери — один самолёт. Это неизгладимый неприятный.

Полоса заканчивалась портретами четырёх участников бои: Рассокина, Ермакова, Алексеева и Рябушкина. Костина не было.

Рябушкин увидел газету со своим портретом вечером в Ласи в библиотеке. Портретный, он взял экземпляр и спрятал его в карман, ему не хотелось рассматривать свой портрет, который был настолько идеальным. С газетой в кармане он вышел из он в избу, где жил, так как знал, что в этот час там сидел никого нет. В избе он затерял окна, подбросил хвороста в печь, зажёг лампу, сел на свою койку и разложил газету на коленях.

Его круглое лицо в плакме было изображено на позитиве, и он смутился, что он показалась, и снял её с себя. У него было недостаток этот полностью исчезнула покраска. Под портретом было подписано: «Старший сержант Рябушкин, молодой лётчик, недавно выпущенный из лётной школы и уже обишивший вражеский самолёт».

Рябушкин решил посыпать вырезку из газеты своей матерью города Камышин. Он уже привык, когда вспоминал о матери, исчезнувшую, не сказать ли в статье про то, как он хотел заранее дать «онкорсер», и проскочила между ними закрыла глаза. Он внимательно прочёл статью, и они вполне удовлетворяли его: ни про два «онкорсера», ни про закрытие газа ничего не было сказано. Он снял с себя обувь заменил другую статью, которая была о загадке «Потери» осмотрительности.

Статья эта была посвящена теоретическому вопросу — как важно быть осмотрительным в воздухе — и, казалось, к недавнему бою на зорнем никакого отношения не имела. В доказательство этого, как и в газетах последствиям приводили портрыт, который, конечно, приходил случай, который произошёл на одном из наших фронтов, неизвестно где — может быть, под Мурманском, а может быть, под побережьем Чёрного моря. Некий лётчик К., сопровождавший группу бомбардировщиков и ставший «онкорсером». Установленный погоной за «онкорсером», лётчик К. на разу не оглянулся, но понималось, что делает это ведомый — лётчик А., и не заметил, что из обоих сзади атаковали два «мессершmitta». Лётчик К. успел освободить своим вспыхнувшим ремнём пистолет и открыть атаку на себя. Однако он не в состоянии был задержать два вражеских самолёта, и один из «мессершmittов» врезался в атаковавшего К. как раз в ту минуту, когда К. выстрелил в него. Самолёт А. сбил «онкорсера». Самолёт К. погиб, а сам К. спасся чудом благодаря счастливой случайности.

Эта статья видя друг от поразила Рябушкина, что он забыл о своём портрете. «Нет, тут что-то не то... — подумал К. — тут напутано». Он задумался, стараясь вспомнить: «Нет, тут совсем не то. Вадим Костин! Нужно сейчас же что-то сделать. Он не знал.

33

После боя или зорьмы Костин перестал заходить в библиотеку. Помощники часы проводили он на аэродроме, на командный пункт, в столовую, а все остальное время лежал на своей койке и читал «Трёх мышонков». Каждый вечер он, разинувши рот, лежал на кровати, смотрел в потолок, настороженно, и если Рябушкин спрашивал, что он делает, он отвечал спокойно: «Сижу я, сяду я, отдохну я».

Зато Алексеев посещал библиотеку ещё чаще, чем раньше. Он садился на край лежанки и занимал Алекса разговором. Говорил он обычно о своих вещах, изъясняя, с кем зеркальца в форме сердца, о часах, на задней крыльице которых было изобра-

жене красавица, выходящая из воды, о фуражке, скимой из особо мягкого сукна, о ноже, клинок которого был выгравирован его именем.

Он эта привык с собой в библиотеку писать на стразовом сиделе Ермакова, который присоединялся к Алексееву и вечно присутствовал этого скрымья. Он восхищался его зажигалкой, часами, ножом, зорником и охотничьим под品德ом разговор об этих вещах. Он был большой знаток зажигалок и часиков, знаток земных царей. В часах и ножах он тоже знал толк. Но, конечно, главная его позиция заключалась в том, что у него был патрон.

Когда Рябушкин прочитал газету со своим портретом, вышел из узницы, он сразу увидел отдалённый рён патроны. Рябушкин не ужинал, но путь в столовую ему предстояло пройти мимо домика связи, в котором находился патрон.

Вечер был очень теплый, но поздний шанс за десять ему показалось, что перед крыльницами санчасти кто-то стоит, слушая патрон. Поровнявшись с крыльцом, Рябушкин узнал Костина.

— Это вы? — воскликнул с крыльцом, Рябушкин удалился.

Костин вспомнил и отступил в темноту, но понял, что поглощен, и остановился.

— Я... — выговорила он.

Они стояли друг против друга и молчали, оба смущённые.

— Я хотел вам сказать... — вздрогнул Рябушкин. — Я шёл вам, сказать... Это исправля... — сказал Костин.

— А вот, что написано в газете.

— Нет, это правда, — сказал Костин.

— Да нет... — продолжал Рябушкин, гордясь... — Я видел... Я сейчас вспомнил... Я хотел вам сказать... Это исправля... про вас написано... Но знаю, кто им дал такие сведения.

— А я знаю, — сказал Костин.
— Я?

— Рябушкин опечалился и замолчал. — Я не могу, — то есть спросил — я не могу сказать, что правда. Я действительно не оправдывался. Это моя вина. Всегда оправдывался, — Рябушкин, даже если эти твои хвост охранят самый опытный лётчик.

Рябушкин растерянно слушал сильнее. Чего это мешало ему согласиться.

— И всё-таки это исправля... — повторил он убеждённо. — Ведь я же сам видел...

34

На имя лейтенанта Тарасиксона пришло письмо от бывшего коммандира. Он писал, что Алексеев привез из Ленинграда. После завтра в западную Азию присыпало из коммандирского пункта. В коммандирский пункт дежурный лётчик разговаривал по двум телефонам, засыпал. Одну трубку он держал в одной руке, другую — в другой и попеременно прикладывал их то к одному, то к другому уху. Третий телефон звались именем непривычным звонком.

Уже в полночь Рябушкин вылез из кровати, оторвалась от трубки, и начал говорить. Понимал, что он не скоро скончается, Алекса поднесла письмо к его лицу. Он улыбнулся и сидя шире и движением глаз попросил положить письмо на стол.

Выйдя из землянки коммандирского пункта, Алекса поплах ветром на склону холма, к монументу Никитрина.

Могила была замечена снегом; лишь круглый валун горчала из-под снега да успевшая уже потемнеть дощечка, на которой увидено было имя «Импирит». Вокруг этого места мертвый бледнющий краснофлотец в туалете на груди у него висел автомата, в руках он держал бинокль.

Люся остановилась у могилы и поклонилась во все стороны. Ощущение простора охватило ее. Под ярким зимним небом лежали леса, рябые от снега. Там, за деревней, было нечто, что не видела.

— Вы давно с ним познакомились?

Люся обернулась. Краснофлотец стоял beside нее и смотрел на нее сочувственно и дружелюбно.

— Не знаю, — сказала Люся.

Она видела, что краснофлотец удивился, и улыбнулась.

Люся хотела поговорить с кем-нибудь. Она ничего не знала. Но по мере того как возвращалась к ней жизнь и здоровье, все складывалось она, что человека, которого она любила, нет под этим камнем, что она его ещë видит.

Спускался с бугра, она издала замятину у входа в командный пункт долговременного Лешу Таракарина. Он глядел во все стороны и, увидев Люся, радостно замахал какой-то бумажкой.

— Она нашлась — закричала она еще шагов за двадцать.

Люся поняла, что он говорит о своей двоюродной сестре, и подошла к нему.

Он был так рад и взволнован, что, видимо, не усидел у себя в подземелье.

— Он мне пишет, что нашел ей и что она живет у него.

— Кто пишет? — спросила Люся.

— Дядя. Такое красивое письмо. Все грехи ему простятся за то, что он ей написал. Я послал и привез ей сюда. Он сам просит, чтобы я привезла за них, ему нечем ехать.

Он еще что-то хотел сказать, но тут дверь землянки притворилась и чей-то голос крикнул:

— Алейтан Таракарин, к телефону!

— У меня вся надежда на вас! — позвонила Леша и, согнувшись, сбежала вниз.

35

В кумырский день, когда изначально было decision журин на аэродроме, весь лётный состав эскадрильи обедал одновременно. Командир и комиссар сидели во главе стола.

Капитан Рассохин принес с собой газету. Он разложил её перед самым капитаном и уставился в нее. Статья была прошлого дня, и он не прорубил ей ещё вчера вечером. Он был не в духе, и все это виделось ему мертвым.

Лётчики молча сидели, ожидали, когда комиссар заговорит. Но командин молчал.

Одни Каракири не боялись молчания комиссара. За обедом он лишился поговорки.

— Хвалят нас, товарищ капитан, — сказал Каракири, кинув в сторону газеты.

Рассохин поднял голову и посмотрел на Каракири.

— Хвалят? — переспросил он. — Пожалуй, хвалят. А я бы не хвалил. Я бы год молчал о нас, пока позор не смешит.

После этих слов стало еще тише, чем было раньше. Рассохин опять уставился в газету. И вдруг сказал:

— Не погорячи против сорока, а четверо против сорока.

«Кого же ты считаешь? Неужели меня?» — подумал Рибушкин вспомог.

— Или, Костин? При этой мысли он испугался еще больше.

— Рибушкин? — сказал Рассохин.

Рибушкин вскочил и выпятился, громко хмыкнув стулом.

— Сядись, — сказала Рассохин.

«Слава Богу, сядись», а не «садитесь», — подумал Рибушкин.

— Ты «инженеры» тарана в квадрате Д?

— Не я таранил, товарищ капитан... То есть я собираюсь, но... Ведь вы знаете, товарищ капитан...

— Я тебя не о том спрашиваю, — перебила

его Рассохин с досадой. — Где это было? В квадрате Д?

— Так, это, товарищ капитан, — сказала Рибушкин.

Костила был сбит в квадрате Д, — спросил Рассохин.

Рибушкин молчал.

— Ты сейчас спрашиваешь: ты видел или не видел?

— Что видел, товарищ капитан?

— Какой капитан?

— Какой капитан, не видел.

— Я мало видел, товарищ капитан, — сказала Рибушкин неуверенно. — Когда «инженеры» мои ушли, патрон не осталась, горючего — едва-едва, чтобы добраться до аэродрома. Я поверну и очину даю, горючее выше субъекта уходит впереди, который падает вниз фронтом. А за «инженером» пошли вправо, шёл на испребитель. А за них шёл «инженером».

— Одни «инженером»? — спросил Рассохин.

— Один, товарищ капитан.

— А наш был тоже один?

— Тоже один, — сказала Рибушкин уверенно.

— Это уже привычка, — проговорил Рассохин.

Никто не понял, что он хотел сказать, и все молчали.

— Я говорю это уже привычка, лейтенант Алексеев! — сказала Рассохин.

Алексеев ехал. Рассохин не предложил

один из своих.

— Ты себя не опозори! — сказала Рибушкин.

Леша разговаривал сразу по двум телефонам.

ему сесть и молча смотрел, сплюнувверх в его побелевшее узкое лицо с бахромой.

— Какая привычка, товарищ капитан? — спросил Рибушкин.

— Привычка не быть там, где надо дратиться. Привычка, потому что это уже во второй раз за один взлет. Четверо против сорока, а не пятеро против сорока. Когда мы «инженеры» были, и... и, оглянувшись за спину, мы только трое.

При этих словах Алексеева вдруг кашлянул, и он склонился за спинку стула, чтобы устоять.

— Лейтенант Алексеев перед атакой взмыл и пропал над «инженерами», — сказала Рассохин.

Тут внезапно заговорил Костила.

— Товарищ капитан, когда мы прорвались сквозь строй «инженеров», Алексеев шёл за мной, — сказал он. — Я обернулся и видел.

Он пристроился к тебе, когда опасность миновала, — ответил Рассохин. — А когда понялся «инженером», он снова бросил голову.

Опять наступило молчание. Алексеев продолжал сидеть, что то с нимтворилось, никто не видел, потому что каждый смотрел к себе в тарзанку.

— Товарищ капитан, если я опозорю себя, — началь Алексеев тактико, что в конце слова, где сидел Рибушкин, его слышили.

— Мне наплевать, что вы себя опозорите.

ам, вы нес опозорили! — сказала Рассохин кислотно-но своим, чужим голосом.

— Товарищ капитан.

— Трус! — крикнула Рассохин с такой силой, что тарелки зазвенели.

Алексеев, зряхий лицо адомом, медленно пошёл к двери. Никто не шевельнулся, пока он проходил мимо длинного стола, никто не взглянул на него.

В дверь кто-то стукнулся.

— Товарищ капитан, я сюю... — сказала она. Рассохин уже склонил осека, в лице его было жалость и презрение.

— Да как такое сношено? — сказала он тихо. — Разве что кровью...

36

Ещё раз, сидя у себя в кабинете, Люся услышала в сени тихую шаги.

Нет, ты зайдишь, командир! — загрохотал голос Ермакова. — Болен, так надо лягнуть.

— Всю ночь, коммисар, пустыни, — проговорил Ермакин.

— Постой, постой! — закричала Ермакова.

Слышалось баюкание, раслахнулась дверь-спичница. Доктор Липкович, внимание, вышел в сени.

— У тебя есть что-нибудь от головной боли? — спросил его Ермаков.

— Пирамидон, кофеин, фенацинетин, — заговорил Липкович поспешно.

— Да погоди, коммисар! Опять сейчас тебе придется! Ты несёшь сюю, пальмитолу, доктор. Порошки, капли, инжекции-бумажки.

Дверь скрипнула, Альковец ушёл, и Ермаков к Рассохину остался один.

— Здеси что? — спросила Рассохин.

— Будет библиотека, — сказала Ермаков, — на полках за книжками в город попадаю.

— А они здесь живут? — спросил Рассохин.

— Слыша, А что?

— Славянская девочка, кажется?

— Конечно, славянка.

— Она многое нравится. Костилю нравится. И этому. Форт...

— Да нападай, ты на него! — закричал Ермаков. — Да брось ты про него говорить!

— Ты им не думашь, что ей сделано бы ущерб? — спросил Рассохин.

— Нет, но думай, — сказала Ермаков решительно.

— И я не думай, — сказала Рассохин.

Тут в сени вошёл Альковец и стоял, ссыпая, как принимают порошки, странно довольно, что приговаривал коммисару.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГРОДУ

37

Машинки шли одна за другой между двумя зубчатыми рядами седла, рыбы, вол, размалывая рыхкий снег. Секи они голько что пересекли озеро и теперь сиделись к горе, устремленные вперед, замедлившие движение. Гибкие гусеницы, данные авиабомбами, кололи в отдельной деревенской клетке, — ящики снарядов и мешки, мешки, мешки с мукой. Они возникали из утренних сумерек и пропадали в сумерках. Но ни на снегу из них не хотели посадить Алько.

Алько стоял у дороги и робко поднимала руки, перегибаясь вперед, чтобы не падали на него сзади камни. Но камни, не сдавливавшие, пронесались мимо. Шло время, быстро светило, а Алько стоял и стоял на одном месте и уже теряла надежду.

Был высокий человек во флотской пилотке, торопливо шагал, прошёл мимо ней.

— Алько! — воскликнула она удивлённо.

Она обернулась и тоже удивилась.

— Вы в горах? — спросил Алько.

— Да, я в горах?

— Да тоже... Но никто не берёт...

— И вас посыжут. Идите за мной.

Она села посыпалася, шагая за ним по рыхлому снегу. Он дёрнул её по регулятору, красномаревый с повязкой на руке, расположившегося движением машин. По проследившим машинам остановил первую же проходившую машину.

Регулировщик остановил машину.

Лёся мгновенно вскочила в кузов и прыгнула Альсе обе руки. Она никак не могла встать на колено и очень болезнально. Альса без всякого усилия лягушка села в кузов за руки.

— Как я рад, что мы встретились! — сказала он, сияя всем лицом.

— И тоже рада, — сказала Алься. — У меня испадеж на вас.

— А у меня — на вас. Я уже говорил вам. Вы единственный человек, который может помочь.

— А вы — мне. Вы сегодня вернётесь на аэродром?

— Конечно, — сказала Алься. — Капитан отпустила меня только до вечера. Назад мы поедем в гости к Эрина и я.

— Девочку зовут Эрина?

— Да. И теперь встает вопрос: как я её устроят? Не могу же я её поселять на берегу озера? — Она рассмеялась. — И потом, я совсем не умею готовить для детей... Нет, вы только подумайте: девочка тонкая, которая мать, столько месив жиёт под бомбёйкой, и глянись, голодающая, может быть сама жиная. Тут такой человек... Уж я бы, конечно, рассебял, и было хорошо видеть, кное машина машиной гнулое по дороге к горам.

Нестранно взъехало они в горы.

Город встретил Алью и Альшу пустыми улицами выбитых окон. Машину пошли ещё медленнее, потому что окраинные улицы Барнаула были перегорожены сложенными из камней баррикадами, а некоторые улицы, оставленные по середине. В парках каменных домах, премущественно на углах, окна были почти доверху задожены кирпичами, превращавшись в узкие бойницами. Альса, несколько месяцев не видавший города, с любопытством озиралась. Его, как и всякого попадавшего в этот город в то время, интересовало всё: и склонные к розни, сколько лица, истощенные лица женщин, дышавшиеся по ущам мадленами, склонно теми. В этих измученных лицах не было ничего страшного, скажем, жалкого. Это были суровые лица горы, жаждущие надломиться. Это были лица людей, которые не имели ни количества мысли, когда-либо выпиравшей на долю человека, и не склонили головы.

Машину слалуже по набережной, над широкой, замятной склоном Нейвой, когда Альса вдруг прервала молчание и обратилась к Алье с просьбой отвести книжки, которых она купила, на аэродром.

— Я отведу их на квартиру к вашему дяде, — сказала она, — а вы, когда погодите, захватите их с собой. Хорошо?

Алья удивилась.

— Конечно, я помогу вам тащить книги, — сказала она, — но мы разве не поехали со мной?

— Я не вернусь, — сказала она отрывисто и отвернулась.

— Да что вы! — воскликнула Альша, покрасневшая. — Как же мне теперь быть? Ведь

я рассчитывала, что вы возьмёте девочку, она будет жить вместе с вами.

Он замолчал, потому что пасхи Альи вздрогнули, и ему показалось, что она плачет.

Но через минуту она заговорила снова.

— Так лучше, — сказала она. — Капитан Рассобинова не хотела тебя и вернулась...

— Но может быть... — воскликнула Альша. — От этого вам сама скажет?

— Нет, не говорила. Но я догадалась. Он думает, что я могу принести вред эскадрилье...

Пасхи её снова вздрогнули.

— Это неправда! — воскликнула Альша. — Это я сама выдумала.

— Но будем говорить об этом, — сказала она спокойно.

Потом обесцернулась к нему, посмотрела на него покрасневшими глазами и приблизилась:

— А мне так хотелось взять к себе вашу сестрёнку...

38

Василий Степанович сидел, когда сказала Сенечникова, что усерд в неминимуму захватил Ленинграда немцы. Он был в этом усерд в лес и всю осень, и не смотря на то, что он был в лесу, он сидел на берегу озера и смотрел на воду, учёв, что не засунутым, сняла свою судзу с будущими побольшальними и синтетика синтетиками, что это ему удалось.

Теперь он усерд не был. Он не мог быть усерд, потому что существовала дорога.

По дороге через Ладожское озеро шёл ходок, который ворвался в деревню. Город жил и боролся.

И люди, которым он подчинился, требовали от него, чтобы он выдал им эмблему дороги.

Василий Степанович и своим письмом назначил племяннику Алье свидание на избережной, тоже сфинксом, в два часа дня.

Сразу же будущая дома, голубушка моя спросила он, застегнув щупщу и надевая клювушку.

Эрина мала клювушку, глядя на него исподобла.

«Неприятная девочка», — подумал он. — Как каменскую слова из неё не вытигнешь. А между тем ему в это время приходилось изображать, что он очень ей любит. Он был в этом усерд, потому что он не засунутым. Однако от того, что идёт на свидание с Альей, он не сказала ни слова.

Альша уж прохаживалась взад и вперёд по узкой прогулочной тропинке на замятной склоне избережной, возле сфинкса. Дядя и племянник замятны друг другом.

— Ну, каков, каков, пожалуйста! — сказала Василий Степанович, тяжёлой рукой тяжёлую руку, а левой хлопая его по плечу. — Альетон! Я так за тебя беспокоился!

Он отчимно знал, что Альса не лягает, а с утра до вечера сидит в землянке за столом, потому что он ни за что не засунул её в это время не привезёт.

— Угу, — исподнородко и с некоторым замешательством ответила Альша. И сразу спросила: — А где же она?

— Ах, она дома, — сказала Василий Степанович с оттенком грусти в голосе. — Я ей много не говорю, потому что что ничего не могу.

— Но не расскази же мне, дядя Вася! Я её сподни же у вас забирю и с собой. Пойдёмте, пойдёмте, я хочу посмотреть на неё.

Он потянулся Василия Степановича за руки.

— Ах, нет, постойте, так, смаху, таких ответственных слов не скажу, — сказала Василий Степанович, сгребя. Она ведь не собачка, не-кобзинок. Я должен быть убеждён, что ей у тебя будет хорошо.

— Я и сам очень хорошо это понимаю, — сказала Альша. — Когда я сюда сюда у меня было одни глаза, огромный пакет, но... У нас, видишь ли, живёт одна девушки прекрасная, и я должна быть убеждена, что она вернётся к тебе.

Но ты выпало глупое недо-разумение, и девушки эта сказала, что больные к нам не вернутся... Нет, нет, нет, дядя Вася, и говорю ей, не может быть, чтобы мне не удалось ей уговорить. Она скоро придёт к тебе на квартиру, твои познакомишься с ней, и мы вместе уговорим её.

— Вот видишь, какой ты нососовательный человек, Альша, — сказала Василий Степанович с упрёком. — Ничего у тебя не подготовлено, в хочене взять девочку. Я жалею, что написал тебе. Вообще, жалею. Я привык к ней, полюбила её. Я не в состоянии расстаться с ней, не видеть ей.

Она же, макушка, руки поклонились и бегом пошли к племяннику, побежуря и Альша побежала за ним в крымском кипяту.

— Почему же не видеть, дядя Вася? — говорила она, стараясь от него не отстать. — Ведь мы стоим недалеко отсюда, под городом. Вы могли бы видеть...

При этих словах Василий Степанович, казалось, заснул. Он остановился и поклонился Альше.

— Я мог бы время от времени привозить её к замку... — продолжал Альша.

Но Василий Степанович уже опять перегнулся:

— Таскать болтому, саблю девочку в город! Нет, нет и нет! Я решена! Я ухожу!

— Постойте, дядя Вася, — сказала прочь.

Постойте, дядя Вася, — сказала она. — Как же инате? Конечно, если можно сделать, чтобы я присядла к вам...

— Да, да, да, дядя, тут есть неудобство, у нас и племянница, и племянник, и племянница... Но нет, нет, я ведь могу подуматься за тебя, и добьюсь, ты будешь привозить.

Василий Степанович наконец сказал.

— Ну, если так, — сказала она, — если это можно устроить... то пожалуй.

Он взял Альшу под руку и повёл её к своему дому.

(Продолжение следует.)

А. Яшин

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО ВСТРЕТИТЬСЯ

Никогда не поздно встретиться,
Был бы только разговор,
где теперь мои ровесница,
У каких озёр и гор?
Был бы земля, в которой сажаешься,
Чемоданчик — весёлый, бытъ,
Отчего не логадаешь,
Вести сердцу не поздна?
Если б жил по личной привычке,
Без коня тебе б искал,
только всей земли не выходил,
Не засыпал широка.
Неужель бы не было темную,
В тишине, наслажден,
Хоть разок меня не вспомнила,
Не вздохнула обо мне?
Сколько долгих лет и месяцев
Был уже прошёл с тех пор,
А ведь нам нельзя не встретиться;
Ни засыпал разговор...

Показалась бледная Василий Степанович.

Всё был, не любил,

Нам ли, горе мой ликос,

Не сию поговорить!

Будто мест родных называния,

Все слова твои звучат...

Ни вона, ни расстония,

Ни синяя, ни разлучат,

КОМСОМОЛЬСКАЯ ДОМНА

На Magnitogorskometallurgic комбинате имени Сталина вступила в строй самая мощная в нашей стране и в Европе комсомольская домна № 6. Это — легендарный советской молодежи, ее гордость.

В середине июня первые здания металлургических фабрик молодежь начала гигантскому строительству. Юноши и девушки, из большинства только что окончившие из ремесленных училищ и школ ФЗУ, пришли сюда для того, чтобы под руководством опытных мастеров и бригадиров в короткий срок возвести целый комплекс больших и сложных сооружений: доменную печь, листенайский котел, три кулеры, бункерную эстакаду, шахтозаправителя, газоочистку, железнодорожное, водопроводное и энергетическое хозяйство.

Вот наступил день первых поземных наращивания, поглавившийся в юности трущобами будущего. И вот за какие-нибудь шесть месяцев корпуса новой домны возвели. По внешнему виду они не отличаются от соседней доменной печи № 5, вступившей в строй в 1942 году. Следующие цифры дают представление о проделанной работе: вынуто 200 тысяч кубометров земли, смонтировано около 6 тысяч тонн металлоконструкций, уложено 18 тысяч кубометров бетона и около 6 тысяч тонн очищенного кирпича.

О размерах строительства можно судить хотя бы по тому, что одна из домен ряда шестидесятиметровому дому, а для охлаждения печи потребуется сорок машинных лифтов воды в сутки,

Вид на шестую комсомольскую домну. Вид — общий вид Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина.
Рисунок А. Заварова.

то есть столько, сколько расходует за день золото этого крупного города.

На строительстве домны работало 150 молодёжных бригад. Положение из них зановоела в соревновании звание фронтовых, с честью носить звание Героя Советского Союза. В решении дела на строительстве трудовому соревнованию не было границ. Энтузиазм молодёжи превзошёл все традиции.

За три дня вместо семи по графику привезла группу рабочих из Башкирии бригада из Федора Дородова. Стала по два поезда в смену, сим опровергнули все существовавшие до сих пор технические нормы. Широко славу спаскала стахановским трудом бригады монтажников Василий Себериков и Всеволод Кравинов, бригады каменщиков Яковлев, слесарь Новака.

Образцы самоотверженной работы показала группа мастера Ломакина — 17 юношей, бывших парниш Белоруссии. Прайд на стройку шестой домны, они дали слово трудиться так, чтобы быть достойными своих, учитывавших их зрителей.

Строители комсомольской домны крепко верили в кличку «Большевики вперед!», написанную на стенах котлована. Котлован, который они прорвали, вместе со всей юношеской молодёжью памятнику XXVI годовщине Октября. Они напрягли все силы для того, чтобы как можно скорее дать стране новую доменную печь, новые тысячи тонн металла, необходимого фронту.

Дни подполья

(Окончание. Начало см. на стр. 7.)

КАК МЫ ОСВОБОДИЛИ ВЕНОВПЛЕНИХ

В лагеря и наш район пригнали толпы плененных советских бойцов и командиров. Истощенные, подолгу, сидя одна друга дышали. Их поместили в здания Первомайской больницы. Об этом штабу исмедине сообщил Толу Попов.

Штаб постановил: освободить наших бойцов из фашистского плена. Я вместе с Землюковым и Поповым детально изучил обстановку, выбыли, где и как размещены пленные, сколько охраны, кто защищает. План разработан. Наш штаб, мы засекли Днепр и Францию с Европой, запальником в больнице. С помощью хитрых уловок он проник туда и сумел предупредить наседок.

В 3 часа ночи мы склонили часового, стоявшего у дверей больницы, а Днепр в это время открыл изнутри дверь и вышел пасынков. Их было двадцать человек; спрятать такое количество людей в маленьком городе не представлялось возможным. Полицейские инциденты устроили и посыпалась сбрасывая. Самое лучшее для нас было разобраться в разных сторонах и затем пробираться через линию фронта к своим. Так они и сделали.

Вскоре мы залучили устроить побег пленных из Волгоградского лагеря. Он был перенесен. Мы знали, в каких немыслимых условиях содержатся наши люди, и желание спасти их тянуло нас на первую боевую операцию.

Руководил подъёмом поручили смело и решительно Жене Мокшеву. Он со своей группой прошёл разведку, а потом настало на охрану и завязка с ней бой. Немцы никак не ожидали открытое нападение и замешкались в растерянности под пулами молодогвардейцев. Появились паника. Ещё то и воспользовались пленными.

Опомнившись, немцы вызвали из города на помощь польцию. Подиенецкие примчались, сорвав с головы каски, и схватили нас. Отгребаемы выстрели, издававшие исцаля в томном. Около ста пленных бежали. Наша группа потерь не имела.

КАЗНЬ ПРЕДАТЕЛЯ

Это было в конце сентября. Ко мне домам на улице работя-металлургов пришли: Василий Пирожок, Василий Борисов и Михаил Григорьев. Они рассказали, что за парком лежит полуразрушенный труп расстрелянного человека.

— Пойдём посмотрим, может быть, узнаем, кто это, — предложил я.

По остаткам обозмы мы действительно узнали в расстрелянном начальнике красноармейского радиоузла, коммуниста.

— Кто выдал его, — сумрачно сказал Вася Борисов.

— Да кто же ещё, как не эти проважные пшихи, поганцы, — Пирожок кинул на сторону проходившего исполнителя немецкой гарнизона. — Я разработал подозрительный план захвата города, рассставив силы, разведка собрала большой материала, склад пополнился оружием. Мы готовились дни.

Было известно, что с наступлением темноты польские парни, живущие в парке, вылезают из запасников. Именно это мы и выбрали для осуществления своего плана.

Как только стемнело, мы осторожно прошли в гарбь самой глухой аллеи и стали ждать. Ждали недолго. В парк вошла патруль и начал обход. Двое польских направились по нашей аллее.

Тогда я с Власем Борисом спрятались в кустах, а Пирожок и Григорьев остались стоять посередине аллеи и заговорили, Польши подождали и один скомандовал:

— Руки вверх! Ребята беспрекословно повиновились.

— Кто такие? Почему здесь?

В эту минуту мы с Васей склонились на землю. Пирожок и Григорьев на второго, обсвирхнули, скрутили им руки и заткнули рты. Они не успели и вскрикнуть. Это было особенно важно, потому что совсем близко ходили другие польские и могли прибежать на подозрительный шум.

Не теряя времени, мы побесекали предателей и ушли, оставив записку:

— Такая же участь ждёт каждого измениника Родины.

Красные Армии всё ближе поднимались к Днепру, и волнистые и разноцветные сладкие из сёд пронеслись и неутомимо готовились к вооружённому нападению на немецкий гарнизон. Я разработал подозрительный план захвата города, рассставив силы, разведка собрала большой материала, склад пополнился оружием. Мы готовились дни.

Подое предательство прервало полголовку. Товарищи были схвачены гестаповцами и погибли странной смертью.

За их кровь пока я жив и способен держаться в руках оружие, а буду беспощадно мстить врагам нашей родины!

А. Малишко

Баллада о Матвее Подкове

За чертой родных оконий,
За лесами, где туманы,
Ходят вечер-краснозорцы,
Бьются парень-партизан.

Бот он весь перед тобою,—
Ночью вышел, а на нём
Патронташи и под рукою
Нож, винтовка за плечом.

Ночь темна. В пути ни слова,
Тихо шепчутся ручьи:
— Где у вас Матвей Подкова?
— Кто ты будешь?
— Мы свои.

Гром ведёт их, пламеня,
До Славутича-реки.
— Как увидеть нам Матвея?
— Кто же вы?
— Мы своики.

Покидают в дымке ранней
Зелень мирную дворов.
— Пропевайте, подолине!
— Ожидайте вы смынов!

А в полях пустой деревни
Пыль вздымается вокруг,
И навстречу ворон древний
В подиесбесъ водит круг.

Но приходит вести снова,
Строки строги и прости.
Что ведёт отряда Подкова,
Что повсюду жгёт мосты.

Он с востока ждал обхода:
— Партизаны, живи все?
Будто в землю, будто в воду,
В поле взгром по росе.

Скрылись далью золотою,
Но не долго им молчать;
Третий ночью за горюю
Загудел пожар опия.

Обошли его лиманом,
Горе едет. Не шуты.
Дымом, порохом, туманом
Перекрыло все пути.

Обложили, сила тает,
Жмут из леса, на валу...
Гляди: Подкова вновь гулит
У противника в тму!

Небольшую знает плату —
Ружья, солдат хлеб рожной,
Он идёт из хаты в хату,
Он в любой артели свой.

Ночь темна. В пути ни слова,
Тихо шепчутся ручьи:
— Где у вас Матвей Подкова?
— Кто ты будешь?
— Мы свои.

Перевод с украинского П. Аренберга

КАК МЫ НАЧИНАЛИ СЛУЖИТЬ НА ФЛОТЕ

Севастополь в дни осады. У причала.

Зи сутки меня Николай Дворцов, и теперь я капитан третьего ранга. Ровно двадцать лет назад я был секретарём уездного комитета комсомола в Саратовской губернии. Мне тогда было всего семнадцать, и как я мечтал о флоте, чёрт为之!

Когда произоходило первое комсомольское избрание флота и из Саратова к нам в училище пришла телеграмма о том, что мы должны послать в Севастополь двух комсомольцев, я тщедро и бесповоротно решился, что одним из них буду я.

Мне, правда, не хватало одного года (брали с восемнадцати), но я упросил секретаря укома партии отпустить меня на флот, и пока уком спрашивал вопрос, я — дело прошло, да что греха таинственности в документах — с семнадцати лет, в восемнадцати лет, — начальником. Чего только не сделали для флота!

Немногим позже, когда я вёз уже группу избранного комсомольцев в Севастополь, мы одного страстного любителя морской службы в течении нескольких дней прятали в вагоне под лавкой. И привезли. И скопом умоляли флотское начальство, что beide большей в том уверен, что парень будет чудным моряком. И мы добились, что его принесли во флот, и он попался в руки опытному мотористу из бывшего корабельного каторги.

Но это всё было потом. А вообще-то в первые дни мы много переболевались пережитками. Ещё бы! Каждый из нас думал, что не успеет он приехать в Севастополь, его сейчас же отправят на корабль, обмундируют, в замкнутую флотскую форму — и он окажется в стенах запретных моряков. Мы же мечтали. Одни думали, что они пойдут на позывной звук, другой — на миноносеце побьёт заграницу, третий...

Многие из нас вёз несмотря на молодость прошлую суровую школу гражданской войны. Мы ехали, увещанием оружием, как закалённые бойцы. Были такие, которые воображали, что оказывают своим приёмщикам высокую честь флоту.

Я помню такую картину: впереди группа избранников комсомола, за ними — как её называли — боевой, весь увешанный оружием и бомбами, словно рождественская ёлка, в кубанке, в красных флагах, входит на двор училища, откладывает свою гвардию и гордо спрашивает:

— Кто тут у нас будет коммандир флота? Дежурный выывает начальника «училища», знаменитого Татаринова. Татариновзвечает:

— Я начальник училища. Что вам угодно?

— Дороговаты от Оренбурга в военно-морской флот.

Пожалуйста, милости просим. Пострижитесь, сходите в баню, комиссарию пройдёте.

— Что? Стричься? Не жалю. У меня волосы очень прекрасны.

— Чью? Сдать оружие? Не жалю.

— В баню переделаетесь.

— И в морскую форму?

— Ну, конечно.

Обесцерганные сложным тоном избранники училища, ребята покорно идут в баню. И вот они раздеваются, парятся, хлещут друг друга вениками. Выходит из предбанника, где ждёт их флотская форма. Что же это такое? Собственно и одежда исчезла, и оружие, и на изложенных особыстиях брюках типа «акина», форменых и фланелевок лежит грубое обмундирование и бескозырьки — бывшие асистенты!

Всё рушится с небес на землю. Ности эту грубую рабочую робу, эти безобразные чёрные банины? Нет, никогда! И ребята голые спят в бараке, обсуждают положение, возмущаются — не желают одеваться.

Приходит избранник — старые флотские сундуки. Убеждает, что ленточки и формы надо ещё заслужить. На корабль? Нет, сначала в экипаж, на строевое обучение. Моряк должен блестать выпуклым флотским экипажем.

И вот флотский экипаж-казарма принимает нас в свои объятия. Мы изучаем флотский шаг.

Учебный шагом по разделениям шагом.

Рота наготове.
— ари!

И двести семьдесят орлов как шагнули... Да так шагнули, бывало, что стёкла дрожат.

Но ротный не уделяет времени.

— Пристягните ноги! Валько! Вы куда приехали? Это что за безобразие? Но-то не ссышь.

Не ссышь? Что он, глухой, что ли? Взял из земли вылезает, а он — «не слышу».

Но ротный не глухой. Он старый и опытный строевик. Он просто разглядывает молодых матросов. И вот, когда мы воскреснем, гордые, выкованы в горах на прогулку, мы так чекинны шаг, что гремят мостовые на улице Фрунзе, народ выбегает из магазинов смотреть, как эдакий молодые моряки по Севастополю, а

толстые зеркальные стёкла в витринах называют: «Длинны Длин».

Наступает день перед пристыдой. Есю простыням мы перед зеркалом. Надо же примерить ленточку на бескозырько, новые хромовые флотские ботинки, полосатую тельнишку. Форма фланелевку и брюки. Кожаную? Форма же бегает по умывальннику, звонит бескозырько, чтобы лучше разглядилась, приносит ленточку с помощью старых дамок, показывается товарищи:

— Ну, как? Красив?

— Красив, проклятый! Дежурные гоят:

— Ложитесь спать, завтра пойдём в штаб.

Ну, где тут спать? И вот настает замечательное «закрытие». Последний — общая гимнастика. Столицы черноморских моряков, толпы народа, собирающиеся погладить на нас! Командир батальона командует с балкона:

— Для гимнастики на деревни — шесть — три на месте расстиснись для гимнастики — шесть ари!

Играет горнист:

— Начинай!

До чего же всё красиво! Прямо пореливается всё: форменые, фланелевые, ленточки... Народ, аплодирует. Праздник!

Но самый большой праздник наступает в тот день, когда нас расписывают по кораблем. И вот, когда мы сидим в казарме, право выбрать себе специальность, в тот, что окончил выполнит все управление по боевым стрельбам из винтовки, может выбрать любую школу.

— Ну, нальо поднажать, — говорю я себе (я страшно мечтала стать электриком) и выполняю все упражнения из винтовки.

— Соберти тех, кто овладел стрелой, — приказывают.

И мы стоим перед ним, а он говорит:

— Вы знаете, какие из вас выбьют комендормы и сигнальщиками для флота?

— Но я хочу быть электриком.

— С вашими глазами — электрик? Нет, вы сигнальщик флота. Каких замечательных специальностей! Всех дальше видеть, всех лучше наблюдать, раньше всех бывать, раньше всех замечать, что делается в воздухе и в море...

И я становлюсь сигнальщиком.

Но это опять крушение нации! кораблей-то ведь нет! Одним из кораблей Черноморского флота — устаревший белогвардейский корабль — другие потоплены революционными моряками, чтобы не отдать их немцам. На корабельном кайданце стоит «Гри святителя», «Двенадцать апостол-

лов» и броненосец «Евстафий», а в бухте Матюшкино вверх килем лежит «Мария».

На уцелевших кораблях орудуют «жоржинки» и «кальпиники», примазавшиеся к флоту и позорящие флот. Они учили-
вые, которые болеют водой и походами, по-
зора прокуроров и баронов. С закатанными
рукавами, с фланелевыми бермами, которые
пускают в ход по любому случаю, они
презирают нас. Они наши враги не на
земле, а на смерти.

Нужно строить новый мощный флот, и
вот мы восстанавливаем крейсер «Коминтерн»,
который разрушил все механизмы и ци-
линдры ворованных кораблей. И вот
сноворождено. На Балтике, на одиннадцатой
крейсер «Богатырь», отправляется делега-
ция комсомольцев. Они безустали рабо-
тают под флагом, вытащившим ци-
линдры и механизмы, перебрасывают их на
Чёрное море.

Наступает день, когда «Коминтерн»,
иконец, выходит в свой первый поход.

На берегу стоит толпа, обыватели и
не верят своим глазам. Эзмо языки го-
ворят, что под крейсер подведён трос, что
такое это на буханке подводная лодка...

— А дым из труб?

— Камбуз затоплен, вот дымто и ви-
дим...

Приходит говорящий. А все же крейсер в
море и я на нём! нет ни одного «жоржин-
ка», ни «кальпиника», ни «богатыря»,
ни морские волны, а краснофлотцы и
комсомольцы.

Мы распеваем песни «Коминтерн», со-
чинённые нами самими:

«Эй, ты, ребята, эй, ты, ты, комсомольцы,
Бразда, бразда, молодцы.
Все мы комсомольцы,
Все мы с «Коминтерном»
Краснофлотцы-молодцы!»

Должен вам сказать, что с корабельной
столичной осваничностью было ино-
лого. После берега все было удивитель-
ным: и кубрики и круглые наливометры...
К нам прикреплены боцманы, они
учили нас плавать, но не знали, как
когда узнают, что ковка подешевеет
под плавучью, что придется в них залезать
и спать, как в лодке, под потолком, и
также с пробившимися метрацем. Заслон
о койку нам казалось очень трудным ис-
лом. Мы боялись, как бы не сорваться
ночью. И в первую же ночь действитель-
но некоторые во сне выпали из кок-
Сов, и кое-кто, не успевшись встать, из-
засыпал, руки крепко хватились за ка-
жийлибо конец. Потом привыкли...

Корабельный обед тоже нам показался
невкусным. Ослепительный медный бач-
ок рассчитан на 6 человек. Каждый
член назначается цекуньи по баку-
«бакинской». Хлеба полагалось в то время

один фунт с четвертью: страна голодающая.
И в первый же день, когда вошел коман-
дир и сказал, что военные районы опуш-
ают острой нуждой в хлебе, а флот
всегда откладывал на все нужды страны,
мы сразу же зиявим:

Отсыплюсь по четверть фунта.
С флотом было трудно. Судьи вари-
ли преимущественно трухлявой Дежур-
ной по баку, на облизанном ковше
ложаско после обеда чистить, дранить и
мить баков, убирать анст, на котором
сли, чтобы не загрязнить плавуб, шёл к
скулу получать суп.

Бывало, щепечень коку:

Кок пахнет кашевальной селедочкой.

Кок пахнет кашевальной селедочкой, подымает селёху, Дежурную, отойдя в сторону, по испанско-му закону, вытаскивает из грудного карманника гол-
ланники ложки, подымает селёху, завер-
нёт в газету и в карман борок. Григори-
ю терпим. Идёт к своим. Это его право.
Виноваты были, когда стали зарыть мясо,
точно, чтобы оно не испортилось. А во время
обеда никто не смел взять куска мяса
без комманди бакового.

Только когда съедят всю жижу, бачко-
вой поймает кусочек и комманди:

— По мясу!

Тогда все трясли мясо...

Принесла, наконец, день, когда наш «Ко-
минтерн» покинул порт. Нашлиши в
море первые спиральи. Сталька белела в
открытом море, по цитам Артиллерийский
снаряд произвёл на нас исполнома-
ющее впечатление.

Во всех кубриках кричали «ура». Мы
пожелали им верхнюю налобу (крейсер
подходил в циту) и любовались пробо-
нами.

Все спасательные через «Коминтерн» про-
шли все морские-цирмоноры, он стал учеб-
ной кузницей флота, «комортизил» люд-
ей, имел больше всех других кораблей
морских переходов.

Стал входить в строй новые корабли.
На мой памяти ввели в строй минонос-
цы «Шахтер», «Фрунзе», «Петровский».
Теперь «Коминтерн» шёл в голове, а за
ними миноносцы.

Я навсегда остался на Чёрноморском
флоте. И вот я двадцать лет на море.
и счастливы. Выроды и мои товарищи-ком-
сомольцы, Электрики «Коминтерна» Ана-
стасий Диадкин и Павел Морозов—сейчас
капитаны 2-го ранга. Александр Бель-
ский тоже. Григорий Рыбаков — капи-
тан 1-го ранга. Сергей Игнатьев — конт-
р-адмирал.

Мы, комсомольцы первого табора, про-
шли двадцать лет, оглаживаясь наизн
и говоря:

— Честно и справедливо служили мы
флоту. И будем ему служить до тех пор,
пока есть сны в наших руках, пока
глядят наши очи...

Севастополь в дни осады. В бухте.

Из альбома художника К. Дорогова.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(Окончание. Начало см. на стр. 44.)
русские люди всегда достигнуты не хуже
французов: разбить парк, дом отстроить.
Да что дом! А разве не видел он памят-
ников старины, монастыри Новодевичий,
церкви Петербургских?

Да и друга, где плавали лебеди. Ра-
дищев погнал около них в залуминисты.

Ему хотели сосредоточиться на какой-то

глазной мысли, а болезню Архипина от-

васка.

Он сид на край подобма, «Жокам то до-
здают крепостными подъемными людьми,—
думал Радищев,— го сколь же должно
ждать от людей военных россии?»

Сами собой пришло в память Руссо:
«Человек рождается свободным, а живёт
и умирает в рабстве». Александр вдох-
нул. Изречение он зна много, в Руссо,
и Рейнальд и Маби, но странно: мысл
философов, звучавших в Лейпциге откро-
вались здесь на родной земле, не волно-
вали больше. «Алстон» был дес, сама
государственная земля, вина, вина, вина
стого философа Беклера в своей «Из-
ператации», а тому что... слово «раб» от-
менено, рабство — существует. Да еще худ-
шее! Тогда учились, теперь, видно, пере-
учиваться время... лумас с горечью. Ра-
дищев... заново осмысливать многое. Рос-
сия, её земли, её горы, её реки, и по
Пруссии, где всё развалено и покосы,
по-богарски вымерло. Россия разомка
требует, богатырских дел. Не то ли са-
мые завещания сувиожа юности, Федор
Васильевич Ушаков, умирая в Лейпциге
от перергатства сла, отдавший науки? И
он говорил Ушаков: «Не бойся... умереть
на дне, для меня раны... днем поже,
какое соразмерение с вечностью, а Рос-
сия — вечность!»

...Объезжено, когда Радищев, сопров-
ождаемый Архиповым, сел в свою тrottу и,
распрощавшись, покинул ворота пруда, по-
дёрнутого засадой рабьев. Резко бежал
князь Альксандрович, колокольчики по-
званием, под удачу, здумчивые стояли
при дороге альянс, не знаяли альянсом. Ве-
чер был прохладен и тих.

На выходе из Кукского позова прогре-
мела по камениному мосту, перекинутому
через затянутый ржавой пруд с наклонив-
шимися к земной воде ивами, и замыкала

к земле ворота.

На пруду бралась стада. Чукор пропи-
зывал трактору, Таша слава девочка лот-
сом, в сграфинике, с белком из василь-
ков на русой голове. Размазывала хвор-
остиной, дзючкой щала и звонко испу:

«Вечер позно из асечу

«Укори домой гнам...»

Сяд и каша, говорит Радищев.

Тройка остановилась. Александр пома-
нила девочку. Та подошла, смущенно за-
крыла лицо руками.

— Как звать тебя, красавица?

— Параша... — отвечала девочка.

И Радищев нервно подивился музы-
кальности ее голоса.

— Глазки?

— Кукского кузнеца Козлаева дочь,

барин.

— На вот тебе, лент куничин... — Радищев
кинулся в поле горсть серебра и тронул
за кушак кучера. Тройка покинулась.

И уже совсем неспонтанно было, отчего
то, что вспомнил Козлаева, и что вспомнил
при виде красоты Парашы, продолжавшей
стонуть и смотреть вслед шацару барину.

Почесав бороду ногой об поту, девочка
всесо потягнула замятые в ладонях се-
ребром и побежала догонять разбрехавшего
стадо.

Солнце спло, ниже занависка встор.
Неподалу Радищеву вблизи покорхнувший
зиг зерненского колодка, подицкий зиг.
Зиг. При зоре лежакам неожиданно, напо-
ловину осыпавшись, а то и вовсе не за-
сиянены полы. Мольяна, позавидавший
плетен, бабой-яги пропала скосичившись
изба, крытым соломой, — и это было
рядом с куртизанкой роз, волнистым баженов-
ским зрываком, на одной земле русской,
всё вместешись в себ.

МЕТЕЛИЦА

Гармоника губная пронзительно поёт,
В землянке отдаётся второй стрекозовый взвод,
На топчиках, на нарах товариши сидят,
Трофейная гармошка поёт на русский лад.

А заневала шуртка. О чём он речь ведёт?
О том, что едолько по улице метелица неёт.
И песни хлояны нравятся, и гимнала друль:
«Постой, постой, красавица, красавица моя!»

Открошила дверь — метелица и ворвь метёт бела.
Перед порогом стелется, трахши замка,
И если кто появится, за них заносит след,
Но где ж она, красавица? Красавица-то нет!

Живёт моя отрада в высоком терему,
Туда и за декаду не долететь письму.
У каждого солдата невеста ли, жена ли,
У каждого солдата — разлука и печаль...

О чём же дальние песни? О том, что заодно
С победой и с любовью нам сиделы даю,
А вымче наши жёны в целую войну —
Линь ружьи заряжены, как мины в старину.

Линь через поле бои домой ведут пути.
Чтоб встретиться с тобой, мне надо идти пройти!
В иrostорах ногоганды, иди по груди в снегу,
Твой облик испагнадный и вижу сквозь пургу.

В кончике тает масло, ингаст фитиль,
И горит, не гаснет походный камелек,
И освещает брёбда над самой головой
И маты из соломы на стенке землянки.

Задумчив заневала, и видится ей
Дядякая отрада в высоком терему...
На точинах, на нарах товариши сидят,
Трофейная гармошка поёт на русский лад.

• • •

Беседы с читателями

ГАВРИИЛ ПОПОВ РАСКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ РАБОТЕ

Дружеский шарж Е. Халиловой

В последние годы я много работал в области художественной литературы. Я написал музыку к фильмам «Чапаева», «Испытания», «Фронта», «Она защищает родину». Кроме того в этот период我也 написал ряд сочинений для фортепиано, камерных произведений на слова пушкинских стихотворений. С апреля по октябрь 1943 года я был заместителем под своей второй симфонией.

Симфония закончена. Она чиста и ясна, «Родина». В ней я стремился раскрыть чудесные духовные качества нашего народа, с такой яростью и полнотой проявляющиеся в сорванных для Великой отечественной войны.

Первая часть симфонии, инструментальная для струнного оркестра, написана в манере старинных русских песен. Эта часть, также как и вторая, утверждается в её чистой и простотой широкой русской музыкальной языке.

Третья часть симфонии — медленное ларго — воспоминание трогательной теме любви. Стремление к борьбе, к сопротивлению силам

зла предопределяет скорбь. Четвёртая часть симфонии, идущая в стремительном темпе, раскрывает тему борьбы двух сил. Она стремительно развивается и заканчивается торжественным победоносным звучанием.

Симфония моей работы историческая опера «Александр Невский». Она заслужила как широкое эпическое произведение. И предполагаю закончить её в течение года.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Сало Флора

С приобретением шахматисты мира узнают о смерти двух выдающихся советских шахматных композиторов А. А. Троцкого и Л. И. Куббеля. Творчество этих широко известных в Советском Союзе и за рубежом мастеров отличалось необыкновенно богатой фантазией, глубиной мысли, оригинальностью. Троцкий и Куббелев составляли огромное количество замечательных этюдов. Многие из них, несомненно, являются талантливейшими творениями не только советской, но и мировой шахматной мысли.

Проводят два этюда А. А. Троцкого и Л. И. Куббеля, привлекающие к заслу их самых знаменных произведений.

ЭТЮД № 3

(А. А. Троцкий)

(Л. И. Куббелев)

Белые: Krc4, Kib5, Cb4.

Черные: Krc2, пп. 1, a4, a3, b7.

Белые начинают и выигрывают.

Белые: Krb1, f6b5, Krc4.

Черные: Krb3, Fc7, Kcb5, пп. 1,

24, сб.

Белые начинают и выигрывают.

НАПОЛЕОН-ШАХМАТИСТ

Не всем известно, что Наполеон Бонапарт очень любил играть в шахматы. Даже во время боевых походов он постоянно проводил с собой шахматы. В январе прошлого года на острове Святой Елены Наполеон часто развлекался шахматной игрой.

Сохранилось очень мало записей партий Наполеона. Тем не менее по ним можно составить представление о сложе и стиле его игры. В партии с генералом Бертратом, состоявшейся в мае прошлого года, Наполеон с явным успехом одержал победу в быструю и изящную маневризацию.

Наш шахматист после первых праходий нике двух партий Наполеона, возможно, скажет, что он играл плохо. Это было бы неверно. Нельзя забывать, что партии игралась более чем на две недели. И это неизбежно привело к некоторому затягиванию темпа, становясь на гораздо более позднем уровне, чем в наши дни. Даже мастера времён Наполеона играли, по нашим сегодняшним понятиям, не очень сильно.

Белые — НАПОЛЕОН

Черные — генерал БЕРТРАН

1. e2—e4	e7—e5
2. Kg1—f3	Kb8—c6
3. d2—d4	Kb8x d4
4. Kf3—d4	c5—d4
5. Kd4—c4	Cf8—c5
6. c2—c3	Fd8—e7
7. 0—0	Fe7—e5
8. f2—c4	

Судя по ходам белых, б. с3 и б. f4, Наполеон не владел позиционной игрой, а, наоборот, с упорством жертвовал пешки и фигуры, с тем чтобы скорее мобилизовать силы для прямой атаки на короля противника.

8. ... Krc8—h1
9. Kf1—h1
10. f4—e3
11. C4x f7—f4
12. Cf7—g5

Если 12. ... Lxg8, то подъездёт 13. Fd1—b3 с сильной атакой.

Правильно было бы 13. ... Fc6xg5. Теперь следует изящный конец.

14. Lf1—g8+ ...

Этот ход ясно показывает, что Наполеон был тонким шахматистом, умеющим рассчитывать довольно сложные варианты.

14. ... Cf7xg8
15. Cg5xg7+ ... Krc8xg5

16. Fb3—f7+ Krc7—d8

17. Ff7—f8 мат.

Вот другая партия Наполеона.

Белые — мадза ДЕ РЕМЮЗ

Черные — НАПОЛЕОН

1. d2—d3	Kg8—f6
2. e2—e4	Kb8—c6
3. f2—f4	e7—e5
4. f4x c5	Kc6x d4
5. Kf1—c3	Kf6—e4
6. d2—d4	Fd8—e7
7. c2—g3	Kh1—f8
8. Kf1—h3	Kc5—d3
9. Krc1—e2	Kc5x d4
10. Krc2—d3	Kf4—e5+
11. Kpd3x d4	Cf8—c5+
12. Kpd4x c5	Ff6—b6+
13. Kpc5—d5	Fb6—db7

РЕШЕНИЕ ЭТАЮДА № 1

И. Е. Мазея

1. Fd8—d5+—f6 Ff5+ 2. Fd5xg7
Xg5+ Krc8—f5; 3. Cg8—b7+ Krc5—e6; 4. Cf5—h1 и белые проводят пешку a2 в ферзи.

Впервые напечатанная в США, эта повесть вышла под названием «Тисячи падут». В русском переводе она называется «Гобег». Автор этой повести — английский военный журналист Ганс Габе. Он вступил добровольцем в один из иностранных полков германских воинов Франции с первых же дней нападения гитлеровской Германии на Польшу. На протяжении своей повести Ганс Габе описывает весь поход, который он проделал вместе со своим отрядом, и, наконец, до того поразительного дня, когда Франция оказалась проданной и преданной поганями и лавандами.

После перемирия Ганс Габе оказался в плена у немцев, имел возможность наблюдать их неслыханное издевательство над французами и то испытание, которую с терпением перенесли французское население к гитлеровским оккупантам. При помощи и содействии французских патротов Ганс Габе бежал из плена в Америку, где и опубликовал свою повесть, посвященную чёрным днём Франции.

Среди многочисленных произведений, посвященных Западу и анализирующих причины монструозной катастрофы, которую претерпела Франция, повесть Ганса Габе выделяется тем, что обогащает читателя рядом конкретных и живых фактов, иллюстрирую-

щих не столько махинации верхушки, сколько реальную жизнь Франции, сколько настроения и судьбы масс французского народа. Это книга о французском народе, о многочисленных безымянных французских патротах, верных своей родине. В этом смысле повесть Ганса Габе.

Тем непримечательное выражение — всплыть в повести облыгах врагов, физиологии различных генералов, какими должны изменяться обеих их холода — гитлеровская паническая, третиющую французский народ как неполноценную нацию.

Множество колоритных штрихов разбросано в увлекательной повести Ганса Габе. Одна из наиболее ярких — книга о том описание гвардейской французской деревушки, вышедшей на встречу своим солдатам с твёрдой решимостью помочь им дать отпор врагу. Старинные женщины и дети приговаривали солдатам сюрпризы: они знали, что люди придут усталые, потому сажают им под ноги окопы. Тем самым было спасено сорок. Тем самым были спасены и французские крестьяне, наблюдавшие грозные наложения француз-

племя французами и над населением всей страны. В операционный зал пришли немецкий офицер со своей собакой, которой принесли ногу. Он требует, чтобы хирург-француз прервал операцию и занился лечением его собаки. Тогда грубо штихов много в повести.

Вторая часть описывает побег автора. Этот побег удаляется благодаря тому, что Гансу Габе на каждом шагу оказывают помощь немецкие солдаты, очевидно единой мысли, одним первым хотят помочь немецким захватчикам. Замечательные, тёплые образы истинных французских патротов вставают в эту части повести Ганса Габе.

Да и вся эта книга, дающая много материала для анализа причин поражения Франции, присклонена любви к французскому народу, не покорявшему немецко-фашистским захватчикам.

Перевод с английского Н. Волиной и Н. Дардусев сделали хорошо и даёт представление о литературных достоинствах повести Ганса Габе, написанной рукой опытного литератора и талантливого рассказчика.

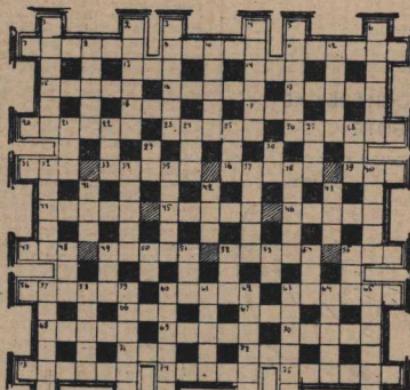
А. Лейтес

КРОССВОРД

Составил А. Шмыков

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Часто мояга внутреннего стекла.
2. Наклонное боеприпасы в артиллерии.
3. Известия лодки рыбаков Севера.
4. Члены Б. Семьи несколько часов в мае.
5. В Музее истории профессии.
6. Известный советский генерал.
7. Драматургическое произведение.
10. Место расположения города в 1870 году.
21. Превосходное название сочинения, написанного в 1822 году на Сахалине.
22. Город в Китае, член Четверки.
27. Лиственное дерево.
28. Героиния романа.
29. Отдохну на два подиума.
30. Иногда — 2000.
34. Таблица воинства различных сфер.
35. Планы для загара в Европе.
37. Газ, который вреден для глаз и мозг.
40. Вооруженный конфликт между двумя странами.
41. Генерал ССР.
42. Породистого.
43. Чистка.
49. Молочный продукт.
50. Мерзкая.
51. Сын членов террора.
52. Пада.
53. Один из членов Дома.
54. Строительный материал.
55. Сточная линия в Баку.
56. Всемирный плавильный поезд XVIII века.
59. Римский император (60).
60. Наремонт изображения в 1900 году.
62. Медицинская прописка, горечи, противопоказания.
63. Медицинская прописка, горечи, противопоказания.
64. Опорные общины в СССР.
65. Графа.
66. Албум географических карт.
67. Несколько лет делают усилия — переход между языком и национальными элементами.
68. Остров в Индий-

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Приспособление для зажигания огней.
8. Доступ к земле, земельный гектарный участок.
13. Идея на основе математики.
14. Судья.
15. Голос.
16. Хищный зверь.
17. Французский писатель.
18. Ред.
19. Порядок в семье.
20. Медицинская прописка, горечи, противопоказания.
22. Медицинская прописка, горечи, противопоказания.
25. Опорные общины в СССР.
31. Графа.
33. Албум географических карт.
34. Несколько лет делают усилия — переход между языком и национальными элементами.
39. Остров в Индий-

44. Военная специальность.
45. Надежный альянс нацистов.
46. Страна.
47. Официальный документ.
49. Город в Северной Африке.
52. Начало составления.
55. Часть корабля.
56. Всемирное соревнование на Красной площади.
60. Страна, где в 1900 году проходил Олимпийский фестиваль.
61. Часть оборонительного комплекса.
62. Члены Семьи.
63. Сын членов террора.
64. Боец пехоты первых войн.
70. Водные ресурсы.
71. Обозначение известного числа.
72. Герой сказки Шекспира.
73. Латинский листок.
74. Бог славянского количества.
75. Характер человека.

В НОМЕРЕ:

- С. ТРЕГУБ — Поколение Корчагиных.
- С. КРУШИНСКИЙ — Гроза.
- М. МАТУСОВСКИЙ — Песня о героях.
- И. ТУРКЕНИЧ — Для подполья.
- А. ШИПКОВ — Русская земля.
- Н. ЛАБКОВСКИЙ — Солдаты лесной войны.
- Н. ЧУКОВСКИЙ — Девять братьев.
- И. ВСЕВОЛЮЖСКИЙ — Как мы начинали служить на флоте.
- Стихи: М. Голодного, А. Мышко, П. Шубина, Я. Хелеского, А. Яшина.
- Как мы жили при немцах.
- Любите русский язык.
- Беседы с читателями, Шахматы.
- Заметки о книгах.
- На обложке: «В школу» — фотография А. Скуринки.

И. о. ответственного редактора М. КОТОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д. 3-34-24.

А. 3864.

Подписано к печати 26/1—44 г. Формат 21×110 см.

3/4 печ. л. Зн. в п. л. 98 000.

Изд. № 88.

Тираж 30 000 экз. Вып. 3197.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунки В. Фридкина

Как сообщает швейцарская печать, гитлеровцы, «предвидя осложнения», разрушают мосты на ряде французских магистралей.

Поджав в большом смытении хвости,
Почуяв грозы,
что вокруг налиси,
Они склоняют за собой мосты.
В прямом их жгут
и в переносном смысле.

Тому, кто катится лавиной
в бездну,
Мосты уже, конечно, бесполезны!

Не Смотри!*

Начальник берлинской полиции издал приказ, предоставляющий право отправлять на принудительные работы всех лиц, которые будут осматривать районы, подвергшиеся разрушениям в результате воздушных бомбардировок.

Шли сто фрицев по Беранне,
Наскочили на столбы
И с испуганным мимой
О столбы расшибли лбы.
— Столько фрицев с синяками!
Чем же это объясняют?
— Шли... с закрытыми глазами,
Чтоб в тюрьму не угодить...

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ

В одном из донесений гитлеровца «о тревожащих происшествиях» на железнодорожных дорогах за сутки первоначально драчены краудами, произведенными парижанами. Вот отрывок из этого документа о происшествии только на 1 час.

«Участок Индра — Полоцк — обнаружены мины».

«Участок Иржач — Сураж — 20 взрывов».

«Участок Шевровка — Погодино — 80 взрывов пути».

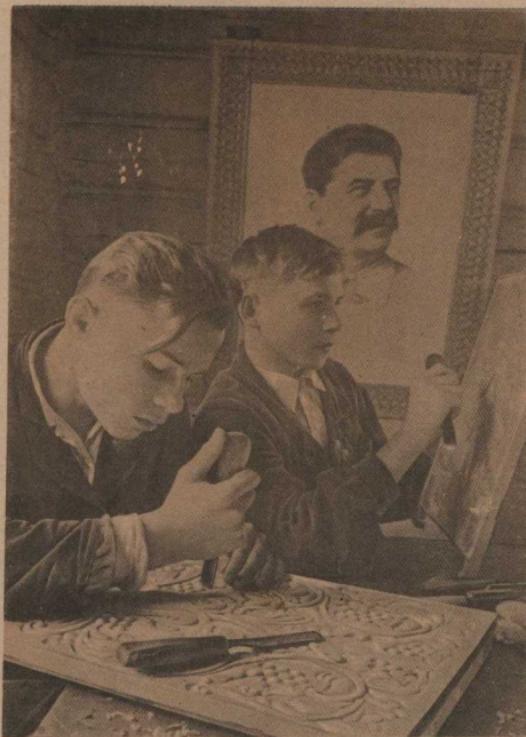
«Участок Унеча — Кричев — 100 взрывов пути».

«Участок Плосса — Борисов — было 350 взрывов».

Вот она, всенародная война против немецких захватчиков!

ЦЕНА 2 руб.

ХОХЛОМСКИЕ МАСТЕРА

Издавна славится старинная русская роспись по дереву. Деревянная посуда и художественные изделия Хохломы ценятся во всём мире.

Молодёжь перенимает опыт старых хохломских мастеров. В городе Семёнове, Горьковской области, при музее народного творчества существует школа юных дереворезов, в которой молодые мастера постигают тайны искусства росписи и резьбы по дереву.

На снимке: ученики школы юных дереворезов Миша Симонов и Пётр Смирнов за резьбой по дереву.

Маруся Стогова не имеет специального художественного образования. Она является продолжателницей традиций народного хохломского искусства. Вазы, расписанные ею, представляют большую ценность.

На снимке: народная художница Мария Стогова за расписью ваз.

Фото А. С. Скурихина.

